

Екатерина Елгина

The background of the cover is a dark, atmospheric forest scene with tall, thin trees and a misty or moonlit glow. In the foreground, a man with dark, wavy hair and a beard is shown from the chest up, looking directly at the viewer with a serious expression. His eyes are a striking yellow. Behind him, slightly to the left, is the head of a grey wolf, also looking forward with yellow eyes. The overall mood is mysterious and intense.

Княже

Любовь сквозь проклятья

Любовь сквозь проклятья

Екатерина Ёлгина
Княже

«Автор»

2023

Ёлгина Е.

Княже / Е. Ёлгина — «Автор», 2023 — (Любовь сквозь проклятья)

В мире, где обычная жизнь протекает в опасной близости от магии, чародеев и ведьм, стоит ли удивляться родовому проклятью? Своенравный князь Маркус не намерен мириться с судьбой оборотня. Придётся ему отправиться в Затерянный лес на поиски могущественного Духа. Но не только ему выпадают тяжёлые испытания. Любимая князя уплатила непомерную цену за возможность помочь: магия забрала её зрение. В момент, когда их судьбы на кону, безжалостные тени прошлого проникают в реальный мир, желая играть по своим правилам. Вторая книга серии, продолжении истории "Королевна".

© Ёлгина Е., 2023

© Автор, 2023

Содержание

ПЛЕЙЛИСТ К КНИГЕ	5
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Екатерина Ёлгина Княже

ПЛЕЙЛИСТ К КНИГЕ

гр. «Мельница» – «Княже»
гр. «Мельница» – «Огонь»
Within Temptation – «What Have You Done»
Nathan Evans «Wellerman Sea Shanty»
гр. «Мельница» – «Волчья луна»
КИШ – «Лесник»
Green Apelsin «Станцюю на твоей могиле»
Within Temptation – «All I need»
Evanescence – «Haunted»

Часть

I

Княже

Глава 1

Я замер на этой проклятой поляне. Луна только что вылезла из своей норки и лениво осветила одну сторону деревьев и сросшиеся намертво кусты чертополоха, остальная же часть поляны тонула во мраке, густом и едком. Даже моё звериное зрение отказывалось глядеть на ту тёмную сторону – надо полагать, ведь лес-то не простой. Осторожно прошёл в центр серебристого света и поднял морду: отчего-то захотелось завывать. Лгут все сказки, что волки – *непростые волки* – воют на ночное светило просто так: они кроют проклятую самой отборной бранью в порыве гнева и отчаяния, и, бьюсь об заклад, что не отыщешь такого оборотня, который ни разу не обругал бы свою желтобокую спутницу на чём свет стоит.

Тяжелые тучи вновь скрыли источник ночного света, я клацнул зубами от досады. Проклятая тьма, даже не видно, куда лапе ступить. Эдак я до конца осени буду пробираться сквозь Комуркальский лес, а потом ещё ищи-свищи Духа Леса – как он, интересно, выглядит? Станные размышления помогали оставаться «человеком», ведь «дедуля в халате» – чудной Старейшина из деревни Энаудели – предупредил, что только так и можно подобраться к Духу Леса и отдать себя на его милость в надежде на снятие родового проклятья.

Вот уже три недели я в пути и каждый новый рассвет мечтаю о трёх вещах: отмыться в горячей воде, отдохнуть на мягкой постели и увидеть Лину. Да, как же! Вру, конечно, – о четырёх вещах – ещё я хочу поесть вкусного густого супа и жаркое, сладких пирогов, томлёное мясо на вертеле с поджаристой корочкой, чтобы мясной горячий сок обжигал горло, в прикуску со свежим печёным хлебом, а запить всё это большой кружкой пенного...

Одним словом, я снова хочу стать человеком. Я часто думаю, как там мой друг, Ромэн, ведь мы так и не попрощались толком, лишь обменялись письмами с помощью его ненаглядной чародейки. Должно быть, нежится каждую ночь в постели со своей красавицей и горя не знает, чтоб его пронесло хорошенько, поганца счастливого... Нет, я не со зла, конечно, просто очень устал и соскучился по людям, по простой жизни. Я просил отыскать Лину при первой возможности, чтобы моя бойкая малышка не грустила – она поймёт, я знаю. Сколько раз на дню представлял, как бы мы с нею резвились, с лисицей моей, как бы жарко целовал изгибы её нежного тела, гладил и ласкал, а она бы смеялась и тяжело дышала, царапала меня невзначай, закусывала губу и вскрикивала...

Тонкий лунный луч пробился из-за туч, выхватывая у тьмы пятачок света, и только собрался я прыгнуть – рядом, освещенная луной, возникла девичья фигура, стоявшая ко мне спиной. Я притих. Давно не встречал ведьм или чародеек, хотя с этого леса станется. Но вот девица раскинула руки и обернулась.

– Маркус? Это ты, князь мой?

Я прыгнул к ней без раздумий – это была Лина. В нелепом белом платье и с венком в волосах, с бледной кожей как у мертвеца. Из глаз Лины текла кровь. Зарычал, пытаюсь заглушить всколыхнувшийся в душе ужас. Мне хотелось схватить за плечи девицу и потрясти, будто это помогло бы ей прийти в себя. Я бы сорвал глупое платье и согрел холодное тело, вытер кровь и успокоил. Девушка испугалась моего рычания, а в голосе прозвучали слёзы и мольба:

– Маркус, где же ты? Приди же за мной, умоляю... мне так холодно, мне так холодно... Спаси меня, князь, спаси от темноты!

Я тихонько прикоснулся носом к её ледяной руке – Лина вскрикнула. Но я прижался жёсткой шерстью к стройной фигуре, хотел, чтобы она ощутила мой мех, чтобы догадалась и позволила свернуться клубком у её ног. Только она снова закричала от страха и попятилась в темноту, бормоча сквозь слёзы моё имя. У меня не оставалось выбора: амулет, заговорённый Старейшиной, должен был как-то мне помочь в крайних тяжёлых ситуациях. Тряхнув головой и помогая себе лапой, я стащил с шеи цепочку и наступил на амулет, едва не раздавив. Тело начало ломать, уже подзабыл это мерзкое ощущение, но сейчас принимал раздирающую боль с удовольствием: я становился человеком. Трансформация закончилась довольно быстро, заставив ослабеть, но не время отлёживаться, да и нагишом на промёрзлой земле сильно не расслабишься.

– Лина! Лина! Я здесь! – Закричал будто не своим голосом. Откашлялся, закричал вновь:

– Это я, Маркус!

Слабый голос послышался из темноты:

– Маркус? Иди же ко мне... я ничего не вижу...

– Сейчас, радость моя! Ах ты, вот дрянь, я на что-то наступил...

Ноги вдруг стали проваливаться во что-то мягкое. Я почувствовал запах гнилья и мха, болота, которое с каждой секундой засасывало все сильнее в свои глубины. – Лина, где ты? Тут что, болото?! Какого лешего?..

– Я всё ещё здесь, мой князь, – услышал я, но голос стал твёрже и говорил с усмешкой.

Луна осветила узкую дорожку впереди, и я всё понял. Дурак. Идиот! Доверчивый наивный простак, дуралей, тупица! Можно клясть себя как угодно, но делу это не поможет: я застрял посреди невесты откуда взявшегося болота, а недалеко, на кочке, сидела мавка в белом платье с венком в волосах и улыбалась. Улыбалась, тварь!

– Ну погоди у меня, гадина, я тебе голову мигом отгрызу!

– Да ты ж мой хороший, – пропела гадина, болтая ножкой в мутной воде, – ты сначала выберись отсюда, а уж после угрожать будешь, – и противно так засмеялась.

Ноги засосало по колено: всё, дорогой князь, ты влип.

– Слушай, водяное отродье, на кой ляд я тебе сдался? Сама же видела – оборотень я. Моя душа тебе ни к чему – она проклята, как и весь мой род. Сделай милость, нечистая, сгинь.

Мавка лукаво улынулась:

– А кто про душу говорил? Я, может, полюбоваться тобой хочу, молодец. Ты вон какой крепкий, красивый, тёплый, – она облизнулась и в миг вскочила, скидывая платье. – А я тоже хороша, погляди-ка, князь?

Луна высвечивала из тьмы хрупкую беленую фигурку с острыми грудками и покатыми бёдрами, с длинными ногами и волосами до ягодич. Мавка крутилась, подставляя светилу свои мёртвые бока, пока я изо всех сил сжимал амулет, который вовремя вернул на шею после обращения. Я молил и духа, и того старца, чтобы поскорее вернуть себе облик зверя, зажмурил глаза и ругал себя в сотый раз за пустоголовость.

Утопленница сердито закричала:

– Ну и поделом тебе! Сгинешь тут, коль не хочешь со мной побыть. Я бы приласкала, я бы убаюкала, а после проводила бы дальше, куда путь держишь среди магического леса.

– Ага, убаюкала бы, – буркнул я, – на дно бы уложила да камнем прикрыла. Так ведь, выдра болотная?

Мавка фыркнула и прыгнула в тягучую трясику, обдав меня вонючими брызгами.

– Утопнешь здесь – всё равно мой будешь, – сказала она на прощанье.

Наконец я почувствовал резкую боль – слава этой боли! Тело стремительно менялось, и лишь одну мысль я старался не упустить: нужно суметь так изогнуться, чтобы отскочить в сторону кочки, не позволив лапам увязнуть в жиже.

Мой рык слышал, наверное, весь лес. Я сделал невозможное: прыгнул со всей дури ещё в процессе обращения, получеловек-полуволок, и приземлился на твёрдую землю.

Услужливая жёлтая поганка-луна отвернулась от меня, забирая с собой неяркий свет, погружая в осточертевшую проклятую тьму. В самую пору завывать. Но мысли оказались заняты другим: неужто мавки могут наводить такой морок? Я ведь не сошёл с ума, а слышал голос Лины и даже касался её – именно её было тело, хоть и холодное. Откуда им, простой нечисти, знать, о ком мои печали, зачем прикидываться ею? И ведь даже не попыталась убить, пока была возможность, а уж мавки это дело махом устраивают. Но больше всего прочего меня возмутил вид Лины, а точнее, её глаза.

Что за глупость? Морок есть морок, зачем уродовать его? Меня передёрнуло, шерсть встала дыбом. Нет, тут что-то не так. Впредь буду умнее. Луна вернулась на место, а я снова оказался в дураках: стоял, как и прежде, на поляне, никакого болота и в помине не было, насколько свет позволял разглядеть пространство. Двойной морок? Мне привиделось то, что мне привиделось? Я потрянул головой: может, приснилось? Не спал уже двое суток, как только вошёл в этот проклятый лес.

***

Малика

Лина

Лина рассмеялась. Всё так глупо сложилось, необъяснимо и по-дурацки. Малика приходила теперь каждый день, терпеливо выслушивала истерики и жалобы, соглашалась с несправедливостью и поддакивала в любой ситуации, а также помогала по хозяйству, ведь взрослую, хоть и ослепшую, племянницу содержать было в тягость. Дядя с тётей молчали, вздыхали, жалели, отчего девушке становилось лишь хуже.

Когда ей в руки попало письмо, Малика как раз гостила у неё и дрожащим голосом зачитала:

«Лина, это Ромэн, друг Маркуса. Он просил передать, чтобы ты не волновалась: живой, здоровый, злоущий как дьявол из-за долгой разлуки (это буквально его слова). Сколько ещё пробудет вдали от тебя – неизвестно, ибо мы оба покинули деревню Старейшин, и наши пути разошлись: Маркус отправился на поиски Духа Леса в Затерянный Лес Комуркалья, чтобы снять своё родовое волчье проклятье. Да, ещё он просил передать, что отгрызёт всем головы по возвращении – что бы это ни значило, но ты, наверное, поняла».

– Он отправился на поиски какого-то там духа, ты слышала? – Лина зашлась в истерическом смехе. – В другую страну!

Девушка стучала ладонями по подлокотникам кресла, содрогаясь всем телом. В маленькой комнате, обставленной на манер гостевого номера, царил полумрак: закрытые глаза не нуждались в свете. Кроме родных и Малики никто не входил к Лине, и девушка не обращала внимание на царящий вокруг беспорядок: разброшенные вещи на лавке и на узкой кровати.

Ворожея молчала. Все разговоры подруги каждый день сводились к одному и тому же: вот придет Маркус, и всё станет иначе. Может, зрение не вернется, но что-то точно поменяется в лучшую сторону. Она была так уверена, что он не оставит её даже ослепшую; полна надежды, что князь вернется со дня на день и первым делом примчится к ней. Малика не позволяла себе высказать крутившуюся в голове мысль относительно наивности подруги, не смела перечить этой всепоглощающей простодушной любви, которой она открылась. «Хорошо, что у неё есть я, – думала Малика, – уж я-то могу рассуждать трезво. Мои мысли никто и никогда не посмеет так затуманить, тем более, какой-то там оборотень. Я вижу всё как есть, этого у меня не отнять».

Лина успокоилась и попросила перечитать снова. Малика вздохнула и прочла. Она понимала, что этот Тёмный не виноват, напротив – он делает то, что должен. Но стал бы он соглашаться на такое опасное и длительное путешествие, зная, что случилось с Линой? Ворожея не знала ответа. Лина закрыла лицо руками. Больше месяца девушка держалась за мысли о княже, о его скором возвращении, а что ей осталось теперь?..

– Малика, я знаю, что говорю глупость, но всё же... попробуй посмотреть ещё раз, умоляю, вдруг, ты увидишь его?

– Лина, милая, может, не стоит? – тихо спросила Ворожея. – Вряд ли он...

– Ты так говоришь, потому что боишься увидеть, да? – резко перебила Лина. – Увидеть, что он не ищет никакого духа, а просто уехал? Бросил меня, забыл? А письмо прислал для очистки совести, так? Мол, наивная дура поверит и всё поймет, будет ждать у окна?

Девушка разрыдалась. Малика не нашлась, что ответить, и утешала дорогую подругу тёплыми объятиями. Но Лина действительно говорила глупости: Ворожея догадывалась, что Тёмный исчез из видений неспроста, ведь обращённые сущности были неподвластны её взору. Сложив картинку из простых фрагментов, самым важным из которых были северные Старейшины, Малика примерно представляла, на что согласился этот князь, и мурашки пробегали по её телу. Вот только пугать и без того расстроенную подругу никак не хотелось, пусть лучше думает о простых человеческих страстях.

– Хорошо, я попробую. Слышишь меня? Я попробую ещё раз, только если ты прекратишь выть в голос. Договорились? Ну то-то же.

Ворожея закрыла глаза, представила образ князя и едва не вскрикнула: видение показало его утонувшим в болоте в окружении многочисленной нечисти.

– Ты что-то увидела? Твоя рука дёрнулась, я почувствовала.

– Нет, я просто... сейчас, подожди. – Малика вновь увидела Тёмного, но в этот раз он оказался повешен на дереве, а после объят огнём, и та же разношёрстная компания нечисти гоготала рядом.

– Ерунда какая-то... – прошептала она. – Попробую ещё.

Но последующие видения показывали Ворожее одинаковый итог в разных вариациях: князь погибнет, и дьявольские прислужники в виде упырей, мавок, умертвий и леших встанут вокруг него и будут потешаться. Малика почувствовала сильную головную боль – перестаралась, придётся пить настойку и отлеживаться до конца дня. Но сначала необходимо объяснить с Линой.

– Лина...

– Да? Говори скорее, я сейчас с ума сойду! Что с Маркусом?

– Лина, это всё очень странно. Будущее подбирает варианты, но... твой Тёмный погибает в этом магическом лесу.

Лина замерла, откидывая с лица чёрную прядь.

– Что это значит, Малика?

Ворожея кусала губы. Теперь, когда её глаза видели весь мир вокруг, отношение к подруге изменилось: она забрала её боль, её недуг, пожертвовав собой ради магического послания, надеясь помочь князю. Малика видела, что Лина нырнула с головой в любовный омут, но сама ворожея сомневалась в истинности чувств со стороны оборотня. Да и сколько они были знакомы?.. Тревога за подругу усиливала чувство вины – слепота казалась непомерно высокой ценой, свалившейся на голову.

– Что значит «будущее подбирает варианты»? Как погибает, Малика? Ответь же мне! – Требовала девушка, беспокойно ёрзая в кресле.

– Линок, послушай, ты же знаешь, что это примерное развитие событий, мой дар не может ответить наверняка, но с твоим князем что-то непонятное происходит, *произойдёт*... и я думаю, что виной всему этот затерянный магический лес и его Хозяин.

– Дух Леса в самом деле существует? Это он убьёт Маркуса? – Голос Лины поменялся на встревоженно-нежный. Она находилась в смятении и страхе.

– Не могу сказать наверняка. Каждый вариант его гибели сопровождается компанией нечисти... я мало что знаю об этих духах и колдунах, вот только мне кажется, что Дух Леса тут не при чём.

Лина шумно выдохнула. Ворожея опустила взгляд в пол. В голову пришла мысль, что теперь Лина под её опекой, словно младшая сестрёнка. Беспомощная и беззащитная.

– Что делать, Малика? Что мне делать? Я не могу сидеть здесь и ждать, пока твои видения сбудутся. То есть, они НЕ сбудутся. Я пожертвовала многим за свою жизнь, чтобы обрести счастье, и не сдамся, пока не получу своё.

Ворожея снова молчала. А нужна ли была эта жертва? Ведь они обе так и не узнали, помогло ли Тёмному или его другу-чародею то пророчество? Если Ромэн сказал в письме, что их пути разошлись, означало ли это решение проблем? В мире магии устроено всё очень просто, на самом деле, но не для всех: маги и чародеи, колдуны и ведьмы черпают силы из заклятий, снадобий, зелий, а простые люди должны уплатить определённую цену, чтобы воспользоваться магической помощью. Деньги редко позволяли брать в уплату, скорее магия *сама* забирала что-то у человека, но как правило – на время. Далеко не все знали об этом, ведь остальной мир упрямо хранил тайну магии, и говорить открыто люди побаивались.

– Мне надо подумать, – обронила Лина. – Спасибо тебе за всё, но сейчас я хочу побыть одна.

– Я приду завтра, Линок.

***

Я проснулся от странных звуков и запахов. Вскочил на лапы, огляделся и принялся: тянуло гарью и дымом, деревом и подпаленной шерстью. Рассвет уже занялся на небе, первые птицы затрещали и закликали на высоте своих гнёзд. Лес начинал свою привычную жизнь, но мне уже осточертели эти звуки, и волчий слух снова уловил «птыш-птыш...швак...птыш-птыш...швак» где-то в стороне, откуда исходил запах.

Я шёл осторожно, почти бесшумно, насколько позволяла промёрзшая заиндевевшая трава осеннего леса. Звук становился громче, и запах обгоревшего дерева щекотал нос. Тропинка водила плавными зигзагами влево-вправо, затем вокруг непроходимых зарослей шиповника, растянувшихся на полмили, и вилась меж высоких стволов облетевших вязов, кое-где сцепившихся ветвями друг с другом и образующими природную арку. Мне надоела медленная осмотрительная прогулка, тем более что никаких других звуков и запахов так и не появилось, поэтому я перешёл на бег и вскоре увидел источник моего любопытства.

Около поваленного тлеющего дерева сустились зайцы: они по очереди купались в подтаявшей луже и подбегали к дереву, стряхивая с себя холодные капли. А самый упитанный и ушастый среди них непременно подрывал лапами ямку и делал несколько точных ударов задней ногой у самой земли, отчего и получались странные звуки: «птыш-птыш...швак». Я притаился довольно близко, у сросшихся стволов, но лесные жители пока не обращали на меня внимания. Оказалось, дерево преградило путь к их лёжке, где в ямке между сплетёнными кор-

нями затаились маленькие зайчата. От дерева шёл жар, зайцы не могли подобраться ближе, не подпалив свои шкурки.

Несмотря на все усилия зайцев толстый ствол не переставал тлеть, трещал внутри, а из лёжки раздавался писк малышей. Стоило мне выбраться из укрытия, как ушастые мигом скрылись за дальними пнями, но пристально наблюдали оттуда за происходящим. «Что ж, зайчатина на завтрак – очень заманчиво, но это было бы совсем подло», – подумал я и вздохнул. Отыскав длинную увесистую ветку с тремя сучьями и сжав в зубах за самый конец, я всунул её под чёрный ствол, наподобие рычага, и надавил лапой, отчего дерево затрещало ещё сильнее, поддаваясь моим усилиям разве что на пару сантиметров.

«Эх, не помешали бы мне сейчас человеческие руки», – с досадой подумал я, но продолжал возиться с препятствием. Зайцы уже без страха высунули носы, и самый ушастый осторожно прыгнул в мою сторону. Моя палка-выручалка стала нагреваться, и я с нарастающей злобой встал на неё уже двумя лапами. Дерево издало прощальный треск и переломилось, осыпая влажную землю догорающими угольками. Откусив ещё зелёный лист невесть как сохранившегося лопуха, я бросил его на угли и сдвинул лапой в сторону. Проход к молодняку теперь был открыт. Уходя дальше, я обернулся разок: зайцы в два прыжка оказались у лёжки. Самый ушастый долго ещё глядел мне вслед – шкурой чуял.

Настроение было отличным, в душе я улыбался. Пустяк какой-то, а всё равно благостно. И мне почудилось среди деревьев, что впереди, на опушке, стоит маленькая избушка. Через три минуты я оказался уже на месте и обнюхивал место обитания: от избушки пахло человеком.

***

Ворожею охватило тревожное чувство – не видение, что-то иное пыталось прорваться в её разум. За свои тридцать лет, проведённые в темноте, Малика доверяла лишь своему дару, не полагаясь на внешние знаки, и уж тем более – на людей. Кругом обман, ведь все люди лгут, сладкие речи и обещания оборачиваются горечью и фальшью, почти всех интересует нажива, деньги, власть. Приходящие клиенты не отличались остроумными запросами, среди них лишь единицы (такие, как Лина) обращались за помощью в интересах своих родных и любимых.

Малика, хоть и одобряя про себя таких представителей рода человеческого, была непоколебимо уверена, что эта наивная любовь рано или поздно пройдёт, завянет, уступит место привычке и жалости, а может равнодушию и презрению. Не оказалось ни одного примера в её окружении, где искреннее чувство могло быть пронесено через годы жизни, через все испытания – всегда что-то да случалось.

Малика выучила этот урок ещё по детству: когда родителей не стало, она жила у своих тёток по очереди, вынужденно вплетаясь в круговорот чужих судеб. Она постоянно замечала, как упрёки и жалобы, оскорбления и осуждения, а ещё едкие сплетни всегда занимают место доселе умилительным признаниям в любви и томным вздохам, отчаянным подвигам и жарким поцелуям. Такова жизнь, и Ворожея приняла все её стороны, научившись вести дела отчуждённо, не соприкасаясь лично с чужими тайнами и желаниями.

Предчувствие окутало Ворожею. Беспокойное терзающее ожидание чего-то, связанное с ней самой. Неужели она снова лишится зрения? Но эта беда не в новинку, тем более, Малика чувствовала некую вину, будто дарованное зрение она не заслуживала. Было что-то ещё... но видений не возникало, а прогнозировать своё будущее путём предчувствий и догадок Ворожея не собиралась.

Лина на другой день выглядела решительной и нервной – девушке приснился Маркус, который стоял среди болота нагой и тянул к ней руки. Только лишь Ворожея вошла в дом, Лина потребовала отыскать Ромэна, ведь это из-за него произошло всё, он виновен в случившемся – так рассудила девушка и была готова лично предъявить ему своё недовольство и негодование, а также требовать помощи. Малика не стала спорить, покорно исполнила «приказ» подруги. Она увидела, что Ромэн отплывает на корабле с высокой, светловолосой, миловидной особой. Малика отметила, что корабль «Оракул» отчаливал из порта Мунар. Лина не знала, где это, но Ворожея подсказала: примерно в четырёх днях пути от столицы Альмиры.

– Что ты задумала, Линок?

– Я должна встретиться с Ромэном. Одна я не справлюсь, даже если бы была зрячая. Поэтому, Малика, дорогая моя, прошу, проводи меня до Альмиры и посади на тот же корабль. А там уж я разберусь, да и Ромэн поможет, я уверена.

Ворожея засмеялась.

– Вот так новости! Ты и впрямь стала глупенькой или притворяешься?

Лина непонимающе нахмурилась – тон подруги казался насмешливым.

– Малика, ты чего?..

– Ну кто же тебя отпустит одну в невесть какое путешествие?

– Я не стану отпрашиваться у дяди, вот ещё! – Фыркнула девица, но ворожея продолжала смеяться.

– А я и не про дядю вовсе. Ты намерена идти спасать своего Тёмного, я правильно поняла? Ослепшая, без каких-либо сил, плыть на корабле несколько недель, а что потом? Бежать по заколдованному лесу и кричать: «Ау, князь, ты где?», так? Дурёха ты моя...

Малика высказывала очевидную правду без злобы, без издёвки, и Лина понимала это, не обижаясь на подругу. Ворожея выглядела старше Лины – впрочем, так оно и было. Выющиеся тёмно-каштановые волосы обрамляли круглое миловидное лицо, а глаза карамельного цвета смотрели с чуть заметным прищуром.

– Ну нет, не совсем так, – неуверенно ответила девушка, – для начала я хотела найти Ромэна, а там – как получится.

– А если он откажет? Ничего не знаю, скажет, и всё. Тем более, я тебе говорила, он с девушкой – мало ли, не захочет связываться? Или, допустим, выслушает, посочувствует и разведёт руками: не знаю, чем помочь, таких сил нет у меня. И что ты будешь делать? Плыть дальше, в чужие земли?

– Я.. я не знаю, – дрогнувшим голосом ответила Лина. – Но хоть что-то я должна сделать, пойми ты, невозможно сидеть здесь и задыхаться от неизвестности, строить догадки и надеяться, что он ещё не умер там, один, в чужой стране, в каком-то проклятом лесу... невыносимо видеть такие ясные сны, а потом весь день гадать: а вдруг не сон?..

– Постой, какой ещё сон?

– Да так, не важно, – рассеянно отозвалась подруга. – Можешь называть меня глупой сколько угодно, но я не могу бросить его. Я буду пытаться... сделаю всё, что в моих силах.

Ворожея вздохнула, окинув взглядом простенькую комнату Лины в доме дяди. В небольшом торговом городке Ташар именно дядина таверна первой встречала заезжих путников и купцов, поэтому личные хоромы располагались близко: в любой момент могла потребоваться помощь жены и племянницы, да и свои дети подрастали, активно участвуя хозяйских делах отца.

Лина тихо сказала:

– Я знаю, что ты не веришь в любовь. Но я верю в неё.

– Линок, не надо разыгрывать драму – я не бесчувственная статуя. Связь мужчины и женщины – это ещё не вся любовь. Я уважаю, ценю и люблю своих друзей, ведь только они у меня и остались на свете. И будь на его месте ты, я без раздумий бросилась бы в самую чащу любого леса.

Малика обняла подругу, у которой по щеке бежали слёзы.

– Я просто переживаю за тебя, Линок, и люблю. И не отпущу одну.

– Спасибо, спасибо, Малика, я тоже люблю тебя...

– Ну всё, не разводи мокроту, – засмеялась ворожея. – Я поеду с тобой. Вместе мы справимся.

Лина чувствовала, что сломлена. Её боевой характер и дерзкий нрав словно испарились, она сама не узнавала себя. Будто у девушки отобрали крылья и бросили ползать по земле – так она себя ощущала без привычного зрения и... без Маркуса. За короткое время она успела влюбиться в своенравного князя с «тайной», ведь на него и его род навлекли проклятье оборотня, и весь его образ и манера поведения как будто нарочно показывали внутреннего зверя. Буйный, нетерпеливый, отчаянный, горячий... такой же, как сама Лина. Была такой. Сейчас она испытывала отвращение к самой себе: беспомощная, жалкая и словно забытая, с тревогой на сердце и болью в душе. Как там Маркус? Что делает *её князь*? Как ему помочь? Видения ворожеи не на шутку напугали Лину, и всю ночь потом ей снились кошмары, в которых любимый раз за разом умирал у неё на глазах, а она стояла рядом и ничего не делала, будто это ничего не значило.

Глава 2

Избушка была жилая, добротная, не запертая, как в сказке: и пироги тебе на столе, и простокваша в кувшинчике с накинутым сверху полотенцем, букет из осенних сухоцветов на белой скатерти; печь во всю избу дышит теплом, крепкие лавки по обе стороны от стола, а

поодаль, у окна, маленькая перинка с вышитым покрывалом на горке из подушек белым тюлем; простой шкаф для одежды и стул с массивной спинкой – вот и вся обстановка. По запаху я не мог понять, кто же хозяин, но воображение рисовало милую старушку в платочке и оттого хотелось задержаться здесь подольше. Я чувствовал голод и всё-таки не выдержал – стащил со стола ароматный пирог, ещё теплый. По-свински сожрал его на полу, немного раздавив начинку из капусты и мяса. Даже оборотням бывает стыдно, и я сгрёб лапой остатки трапезы за порог. Живот благодарно заурчал, хотя требовал употребить всё съестное, что можно здесь найти. В тепле я разомлел и сам не заметил, как уснул под лавкой.

Что-то острое больно ткнуло меня в бок, я спросонок даже не понял, где нахожусь, подскочил, ударился головой о дубовый стол, зарычал и попятился к кровати.

Сверху вниз на меня смотрела далеко не милая бабуля: это был заросший волосами и мхом, в грязном тряпье, толстый леший. Его руки и лицо были местами покрытыми одревесневшими наростами. За секунду оценив ситуацию, я зарычал устрашающе: подумаешь, нечисть какая-то – я такого вмиг перекушу! – и стал надвигаться на лесного чудика. Но его основным преимуществом стала незамеченная мной увесистая дубина.

Огрев ею мою бедовую спину, леший выдохнул, произнес тонким голоском, никак не вяжущимся с его внешностью: «Фуф, зараза» и вытер пот со лба. «Наверное, не часто встречался с оборотнями», – понимающе подумал я и бросился на волосатого, заставив упасть около лавки, и тут же придавил горло лапой.

Он просипел: «Хватит, хватит, пощады!» Такого я не ожидал – чтобы нечисть так быстро сдавалась? Может, я и не знаток тёмных пакостных сил, но об их методах наслышан. Для надежности клацнув зубами у самой его морды, я отступил на шаг, готовый вцепиться в горло.

– Ну, чего, чего ты кидаешься, лохматый? – Обиженно пропищал леший, потирая ушибленный локоть. – Сам в дом залез, без спросу, а ещё кидается...

«Извини, дружище», – ответил я мысленно, и, к моему удивлению, он понял:

– Извиняется он, ага. Вон, натоптал, смотри, и пол поцарапал когтищами своими. Да мне Зайчик за это голову оторвёт!

Я усмехнулся: «Зайчик? Голову оторвёт? Какая нелепица, в самом деле!»

– Сам ты нелепица, окаянный! – Воскликнул леший и поднялся, почёсывая пузо. – Ох, быть беде, быть беде... зовут его Зайчик, что не понятного? Предводителя нашего. А он порядок любит, строго бдит.

Очень любопытно стало, что же за Зайчик такой руководит пугливыми лешими? Но лесной житель с торчащей веткой из уха успел подслушать и эту мысль, отчего пуще прежнего набычился:

– Не возводи напраслину, серый: не пугливые мы, а послушные. И приказы Его уважаем. У меня и на твой счёт есть распоряжение: всех встречающих новичков, заплутавших, доставлять к Его Темнейшеству.

Я вздохнул – ну начинается. И что же делает «Его Темнейшество» с новичками? Уж, поди, не в шашки играет?

Леший захихикал и постучал себя по голове:

– А ты умный. Зайчику нравятся умные. Ну пошли, что ли? Только ты это, без глупостей...

В этот раз я поостерёлся подумать «вслух», о чём действительно с ехидством подумал. Леший важно шагал впереди, не забыв прихватить с собой дубину. Я лениво шёл почти рядом, как пёс, но делать глупости действительно не собирался: мне не стоит враждовать с лесными жителями, да и плевать на их дела – мне нужен Дух леса, только и всего.

Леший завёл меня в заросли из цепляющихся за шкуру колючих кустов и низких деревьев. В этом месте лес словно сгустился: слишком много растительности, весьма неприятно

выглядевшей в свете осеннего облетевшего пейзажа. Все тёмные краски природы как будто слились на этом пятчке, образуя длинные густые тени от стоящего невдалеке полуразвалившегося пня, на котором сидел худой, даже костлявый, человек в серой бесформенной одежде. Я успел заметить лишь одно движение кисти, совершенное им в моём направлении – полукруг, и на голову тяжело опустилась знакомая дубина.

Очухался, наверное, довольно скоро, ведь мой страж с ужасом отпрянул в сторону, едва я зашевелился и открыл глаза. Толстый леший с некой жалостью выглядывал из-за деревца, даже развёл руками, мол, извини, не по своей прихоти... Я отвернул морду и чем-то звякнул. Смешно, но больше обидно и унижительно: на моей жилистой потрёпанной шее висел собачий строгий ошейник с тянущейся железной цепью на несколько метров.

Я выругался самой непристойной бранью, какую только знал. Плевать, что леший может подслушать, да и не только он один, как выяснилось.

Человек на пне засмеялся, щёлкнул пальцами, и к нему подбежали обезображенные умертвия: один вовсе без лица (без глаз и носа, рта, со шрамами на этих местах), ростом ниже лешего, а второй без руки и одной ноги. Они лихо подскочили к хозяину, оба кивнули и направились ко мне. Я зарычал и ощерился, приготовился напасть на уродов, но моя левая задняя лапа почему-то не слушалась, будто застыла, и мне пришлось вновь сесть. Больно не было, эти мелочи лишь злили меня. Умертвия без опаски сняли обмотанную вокруг дерева цепь и возвратились к человеку, спокойно подтаскивая меня за собой. Упираться было глупо и неудобно – лапа так и осталась онемевшей, и я волок её за собой.

– Добро пожаловать в Мой Лес, путник, – с улыбкой на пожелтевшем лице сказал человек.

Я усмехнулся про себя: «Ещё скажи: "Будь как дома"». Человек, конечно, тут же прочёл мои мысли и снова улыбнулся, приговаривая:

– Это едва ли, едва ли. Ну-с, и кто же у меня тут шалит в серой шкуре? Кто ты такой?

Не знаю, мог ли человек слышать интонацию моих высказываний, но, гордо вскинув морду, я твёрдо заявил: «Я князь!. А вот ты кто?»

– Я здесь тот, кто спрашивает, а ты – отвечаешь, – нравоучительно произнёс худощавый.

В ответе не было особой нужды, ведь я и так догадался: это Предводитель, которого «уважал» мой знакомый леший. Предводитель нечисти, стало быть, со смешным и трогательным именем или прозвищем «Зайчик».

– Ага, значит, князюшка ко мне пожаловал... чудесно. Удобно ли тебе, дорогой князь? Не жмёт ли цепочка? Ты прости, дружок, но это мера предосторожности: знаю я вашего брата, и уж кому-кому, а волкам и так-то веры нет, а оборотням – и подавно. И, надо сказать, давно я не встречал *такого*, чтобы контроль был полноценный, человеческий. Опасный ты зверь.

Предводитель с интересом разглядывал меня, на сухом лице блуждала улыбка. Он был совершенно лысый, горбоносый, и кожа обтягивала его череп, едва не лопааясь, словно он не ел и не пил долгое время, засыхал как дерево в пустынных землях. Он щёлкнул пальцами, и задняя лапа обрела былую подвижность. Благодарить за это я не стал.

***

Зайчик сидел на почерневшем троне-пне вальяжно, закинув ногу на ногу, выставив вперёд костлявую руку и любясь своим единственным перстнем, что переливался в предзакатных лучах солнца.

«Так почему же просто не убил меня?» – Мысленно спросил я, занимая удобную позу для беседы по душам.

Предводитель нечисти картинно вздохнул, потянулся, зевнул и ответил с усмешкой, подперев впалую щёку кулаком. Худощавый и надменный скелет.

– Эх, князюшка... Молодой ты ещё, зелёный. Да скучно мне, вот тебе и ответ. Ну, что ж за жизнь будет, если я так каждого встречного-поперечного убивать стану, а? И так нынче с собеседниками не густо, а мне чем прикажешь заниматься? Я уж и так вон как лес преобразил, вычистил, седьмой год тружусь без устали; каждый комарик ко мне с докладом летит, лешие и пикнуть не смеют – приказа ждут, упыри путникам улыбаются – не трогают, мавки голыми бегать перестали, негодницы – какой-никакой, а порядок.

Я усмехнулся и добавил:

– Ну да, как же, видал я твоих мавок: всё одно при луне платье скидывают, поганки...

– Это так, единичный случай, – отмахнулся Зайчик. – Раньше-то они совсем нагишом шмыгали по болотам своим, да не церемонились с заблудшими. А сейчас и им скучно стало, да и я позволения на убийство не даю.

– Ты гляди, прямо образец праведности, – съязвил я. – Ну тогда расскажи, рогатый, отчего же в этом лесу хоронишься вместе со своей шайкой? Раз уж они у тебя такие послушные – ступали бы в город, в народ, жили себе спокойно?

Предводитель обиделся, дёрнул костлявым плечом, отвернулся.

– Чуть что – сразу «рогатый», ишь ты! – пробормотал он. – Ты, княже, не забывайся: я хоть и добрый, но язык тебе подрезать на раз-два могу. И потом – ну какой же я рогатый? Это сказки всё, выдумки. Ну где у меня рога? Нету же. Народ погань придумал, а мне теперь ходи всю вечность с клеймом. Бессовестные. Бессердечные.

Я едва не засмеялся – ну каков паяц! Ещё слезу бы пустил для правдоподобности.

– Ладно, не буду рогатым называть впредь. Легенды, знаешь ли, ходят, про твой истинный облик... Так что же в лесу делаешь?

Предводитель нечисти вздохнул.

– Веду охрану выделенной территории. – Зайчик отряхнул несуществующую пыль с плеча серой многовековой рубахи и продолжил: – Работёнка не пыльная, как говорится, но очень уж ответственная.

– А от кого охраняешь-то, позволь узнать? Лес, вроде как, и так заколдованный, простой путник сюда вряд ли забредёт, да и что тут особенного? Ну, кроме твоих нечистых прислужников?

Словно в подтверждение моих слов, где-то поблизости противно гаркнула птица, а в ответ ей заверещали грызуны, в одно мгновение сверкнули в скрюченных ветвях десятки пар глаз, крылья всколыхнули воздух на поляне и тут же всё затихло.

– А вот это не твоего маленького ума дело, волчонок.

– Ага, – обрадовался, глядя как занервничал рогатый. – Значит, не от кого-то охраняешь, а кого-то охраняешь. Интересно... кто же крутит самим «Диаволом»?..

Нечистый на миг утратил всю свою наигранность и жеманность, глаза засверкали ледяной злобой, руки сжались в кулаки.

– Захлопни пасть, щенок.

– Да я же так, из праздного интереса... ну ты чего, рог... дорогой Властелин, не злись. Зайчик сменил гримасу злобы на презрение и фыркнул.

– Я тебе точно язык подрежу, не пристало так со старшими разговаривать.

– Понял-понял, уяснил, – примирительно ответил. – Только вот интересно получается: я тут, значит, брожу днями и ночами, ищу кое-кого Могущественного и что-то никак найти не могу. И дорогу мне пересекают твои «ребятушки» вышколенные. Сдаётся, ты к этому руку-то и приложил...

Костлявый заёрзал на деревянном троне. Глаза заблестели, улыбка растянулась по впалым щекам.

– Кого же ищет, серый хвост, мм? Какого-такого Могущественного ты хотел тут отыскать? Как ты уже понял, всем тут заправляю Я, и, стало быть, Могущественнее меня никого нет!

– Кроме Духа Леса, разве что, – поддакнул я в его же манере.

Зайчик закатил глаза и расхохотался.

– Чего-чего? Дух Леса? Это что ещё за зверь такой?

Честно говоря, я ожидал другой реакции: ужаса, благоговейного трепета, пусть даже злобы, наконец. Но смех выходил очень уж искренним, и мне стало не по себе. Даже его прислужники-уродцы загоготали, вновь наполняя поляну «живыми» звуками.

– Ну Дух Леса, это же, как бы сказать... В общем, Всемогущий Дух, обитающий в этом лесу.

– Ой, это ж надо, какая чушь! – смеялся костлявый. – Дух, говорит, в лесу, да ещё всемогущий... кто тебе такую ерунду сказал, малахольный?

– Северные Старейшины, – буркнул я. – И это правда. Может, просто ты сам его ещё не встречал, вот и не знаешь.

– Старейшины сказали? Те ещё сказочники, – махнул рукой рогатый. – Было у меня как-то дело с ними, со стариками твоими. Лживые, наглые, хитрые старые колдуны они, плетущие сети вокруг своих желаний. Все их слова – чушь, сила – пыль в глаза, живут за счёт чужих сил.

– Как-то не похоже, – неуверенно сказал я, вспоминая наши с Ромэном приключения в деревне Энаудели. Эх, чего только мы не творили с менестрелем: и тайны разгадывали, и за столом одного Старейшины сидели, набивая желудки изысканными блюдами, и медовуху с зельями пили, и выслеживали Рыцаря дорог, думая, что он мерзавец-чародей... ах да, другой мелкий старикашка меня даже отравил, я умер на несколько минут, пока колдун беседовал с моей волчьей сущностью... Я понял, что скучаю по Ромэну: всё же мы сошлись с ним как хорошие друзья на загадочной теме магии: он свою «королевишну» освободить пытался, а я и по сей день мечусь в поисках средства, чтобы проклятье волчье снять. Ради Лины, ради моей семьи...

– Похоже-не похоже, голову тебе задурили, князюшка... но надо отдать им должное, конечно. Дух Леса! Ха! Поди ещё Дух Воды есть или Земли? Воздуха?..

Я окончательно запутался и впал в уныние. Костлявый глумился надо мной, изобретая всевозможные варианты, и когда он дошёл до Духа Грязной Задницы и Духа Сытой Отрыжки, я уже не выдержал:

– Ну хватит, и так тошно... Что же мне теперь делать? Я потерял столько времени, и всё напрасно? Ты мне не врешь?

Глупо спрашивать о честности Предводителя нечисти, но от досады я уже не соображал, с кем говорю.

– Ох, князь. Зачем же мне врать? Что мне за дело до твоего личного несчастья, а? Видать, не просто так пришёл сюда издалека, да ещё в поисках неведомого Духа... ну говори уж, чего хотел-то?

Теперь вздохнул я.

– Проклятье оборотня снять хотел. Родовое. Дух Леса только на такое способен, мне сказали...

– Ах ты, бедняжка, – умилился Зайчик. – Но ты зубы-то мне не заговаривай: я-то знаю, что такими проклятьями без причины не разбрасываются. Кому-то перешёл ты дорожку, набе-докурил, так сказать, а теперь хочешь избежать наказания? Ну нет, братец волк, извиняй – тут тебе никто не помощник. Даже твой Дух Леса! – И он снова засмеялся, содрогаюсь костлявым долговязым телом. – Или, может, ты такой и есть с рождения, а враньём своим хочешь выбраться в люди? Из грязи в князи, да? Но законы природы не переплюнуть: рождённый ползать – летать не может, слышал такое? Так-то вот.

Я разозлился.

– Что за проповеди ты болтаешь? Смотри за своими грехами, нечистый. Я вообще тут не виновен – проклятье было наложено на мой род задолго до моего рождения. Я же не могу отвечать за поступки своих предков?

Костлявый тут же заинтересовался: видать, и вправду соскучился по историям и общению.

– А что натворили предки? Город сожгли? Над детьми измывались? Девиц невинных крали?

– Не богат у тебя выбор, – усмехнулся. – Всё не так. Дело любовное, дело только моей семьи и ведьмы, сто лет назад произошедшее. А я вот мучайся теперь и своих будущих потомков от беды избавляй...

Предводитель нечисти как-то странно на меня посмотрел. Не кривлялся, не глумился, не язвил, не паясничал. Сухо спросил:

– Что тебе известно о том «деле»? И откуда, интересно?

– Старейшины поведали, которых ты не в грош не ставишь. Или тоже скажешь, что наврали?

– Могли и наврать, – задумчиво ответил Зайчик. – Ну ты говори, говори, а уж я разберусь, где правда, а где ложь.

Нашёлся мне тут знаток истины, судить-рядить будет, как же... я и сам-то мало что знал. Рассказал ему о прабабке своей, что увела у ведьмы возлюбленного, а та обозлилась и прокляла её и весь наш род. Как да что было – не представляю даже, только рассуждал на эту тему по пути в Затерянный Лес: ну, к примеру, понравилась князю, то есть прадеду, княгиня Валерия, и бросил он ведьму свою – так значит, и не любил вовсе. А если не любил – так какой с него спрос? Зачем такой нужен, который не любит? Ну плюнула бы ведьма, другого нашла, что за беда? Так нет же, надо показать свой тёмный нрав, проклясть. И странно, а прадеда-то не коснулось проклятье? Он же виновник был, но досталось именно моей прабабке, Валерии. Черт знает что, если подумать. И сам усмехнулся своим мыслям – вот поди чёрт как раз и знает: как-то слишком внимательно слушал мою нехитрую короткую историю.

– И всё? Да разве это история? И что же было с твоей прабабкой? – Лениво уточнил нечистый.

– Шкуру носила, что ж ещё... пока я не родился. А потом она отправилась как раз к Духу Леса и заключила договор: покуда служит в лесу этому Духу – проклятье не действует. Семнадцать лет мне даровала бабуля, между прочим.

Костлявый был на себя прежнего не похож: задумчиво барабанил пальцами по своим тощим коленям, согнувшись в спине. Взгляд блуждал будто бы не здесь, смотрел сквозь деревья.

Что-то не понравилась мне его реакция. Но объяснить сам себе, что насторожило, не смог.

– Мда... что ж, дело прошлое, забытое. Ты сам-то, вроде как, и правда не виноват, но родная кровь – это тебе не водица, тут уж что сделано – то сделано. Мой тебе совет: возвращайся домой, волчонок, забудь про глупости с твоим Духом, и достойно носи шкуру, как положено судьбой. А про потомков помалкивай – авось, развеется само по прошествии лет.

– Вот уж совет, – сердито отозвался я. – Да жди больше, пока твой «авось» столетнее проклятье чокнутой карги развеет.

– Да не карга она была, и совсем не чокнутая... – прошептал с горечью Предводитель, но тут же глянул на меня исподлобья и забормотал, – разве что малость помешанная... думается мне. От обиды творила, ясное дело.

– Ладно уж, я в ваши тёмные головы не лезу – себе дороже. Считаешь, что наказание справедливое – так пусть, у тебя с совестью свои отношения. А я не согласен. Всё равно найду способ избавиться. Мне есть ради кого меняться.

Зайчик усмехнулся:

– Неужто влюбился в неподходящую даму? Испугать боишься когтями да зубами?

– Почему это в неподходящую? Очень даже подходящую. Самую лучшую. И она знает правду, принимает меня целиком.

– А зачем тогда меняться? Ну и живите мирно, чего ты суёшься в непроходимые леса за глупыми сказками, как дитё малое? Сходил бы к чародею какому, что ли?

– Не поможет магия, пробовал. А с проклятьем ходить, точно с пятном родимым во всю рожу – каждый, кто знает, смотрит и плюнуть хочет от презрения или страха, точно я урод какой и не достоин по земле ходить.

– А ты как думал – легко ли носить груз прошлых бед?

– Да каких бед, – снова завёлся я. – В чем моя вина? Кто меня спросил, хочу ли я *таким* на свете жить?

– Ну, князюшка, что-то ты разошёлся, – заметил нечистый. – Это как посмотреть, знаешь ли, каждому своё. Ты главное пойми: домой тебе надо, к милой своей. Погорюешь о судьбе денёк-другой, да успокоишься. А я, так и быть, велю своим ребятушкам не трогать тебя и на пути не попадаться, а то загрызёшь ещё, ненароком. Ну, чего молчишь? Согласен?

Я сомневался. Больно складно говорит. Добрый слишком, ему не положено таких речей вести. Но ничего другого придумать не смог – кивнул в знак согласия.

– Так, а теперь я удалюсь, так сказать, в свои покои – старость она, знаешь ли, своё берёт: полежать охота, ножки вытянуть... ты спи спокойно, серый, а поутру иди восвояси.

«Старость, – усмехнулся я. – На каком веку она началась», – хотел я было спросить, но прикусил язык.

Зайчик встал, поклонился мне и неторопливо побрёл в заросли. Прислужники потянулись за ним следом, но несколько тварей всё же остались на поляне: посматривали издали на меня, разрывая необычную тишину леса своим шипением и визгом. Когда след Предводителя пропал, мой ошейник и цепь исчезли. Привычные звуки чащи вернулись, а по земле заструился странный туман.

***

Моё путешествие вышло бессмысленным и долгим, далёким, от досады даже захотелось вновь использовать амулет для обращения в человека – какая уже теперь разница, в какой шкуре мне ходить, так хоть порадуюсь немного. Но клацнул зубами, взял волю в мохнатую лапу: нет, не время. Как ни крути, а возвращаться к Старейшинам всё равно придётся: для начала посмотреть в их честные глаза, а уж потом вернуть прежнюю силу амулету, ограждающему оборотня от полной луны.

К этому времени на лес опустилась непроглядная темень, и в этот раз я действительно улёгся спать, но всё ворочался, крутился, пытаюсь выкинуть из головы разговор с Предводителем нечисти. Даже представив Лину, надолго не смог удержать её образ перед закрытыми глазами – рогатый вылезал на первый план и что-то говорил, тряс рукой, улюлюкал, смеялся, грозился и оборачивался огромным взбешённым зайцем... впору завывать от таких сновидений. Я даже начал молить несуществующего Духа Леса, чтобы унять свою расшалившуюся фантазию и даровать мне спокойный сон.

Когда уже почти уснул, в голову влезли мысли: «Не удивился. Предводитель не удивился моей истории. Как будто и так её знал. Не вставил свои едкие замечания про Духа Леса и слушающую ему бабулю, а ведь до этого не преминул бы закатить глаза и укорить меня в наивности. Ох, темнит нечистый, носом чую».

А сон приснился и вовсе необычный, подкупающий своей детальностью: печальное привидение в смутно угадываемом образе старца с длиннющей бородой летало над лесом, но тут, откуда ни возмись, в лесную обитель ворвалась пакостная нечисть и наскоро расставила по территории чуть светящиеся полупрозрачные камни разных цветов. Не по прихоти бросила, а именно расставила, по чёткому плану, видать, а после упыри, лешие, мавки и уродливые безымянные создания попрытались и притихли.

Камни стали светиться всё ярче и ярче, а с приходом ночи загорелись, будто радужные огоньки. Привидение заметило манящее свечение, опустилось на землю у одного камня и коснулось его. Землю будто взорвала мощнейшая молния, оставив выжженный след в виде знака «У», камни повсюду перестали светиться, а привидение исчезло. Лишь на траву упал, будто с неба, маленький красивый камушек, словно драгоценный. На этом сон заканчивался, но я всё ещё спал, и даже в таком состоянии понял, где видел этот чудесный переливающийся камушек.

Пробудился я на рассвете с мысленной улыбкой: помнил каждую мелочь красочного сна и мысленно благодарил своего «помощника», ведь именно он открыл мне правду. В том, что Дух Леса действительно существует, я больше не сомневался, а также знал, что у него большие неприятности благодаря моему вчерашнему рогатому знакомому.

Глава 3

Лина была взволнована, напряжена, каждые десять минут спрашивая, как ребёнок: «Ну что, мы уже приехали?», «Наверное, скоро приедем?», «Когда же мы приедем?», на что Малика отвечала сдержанно: «Ещё нет. Пока что нет. И сейчас тоже – нет» и легонько гладила руку подруги. Сама Ворожея тоже находилась в лёгком нервном напряжении, всматривалась в окно экипажа, который они наняли пару дней назад, попрощавшись с городком Ташар. Малика не покидала это место уже пятнадцать лет, как уехала от тётушки и стала самостоятельно зарабатывать на свой скромный хлеб с помощью дара Провидения.

Путешествие обещало быть интересным, ведь подвернулась возможность «увидеть» окружающий огромный мир, пока зрение оставалось при ней. Лина, лишившись такой обыденной возможности, переживала из-за встречи с Ромэном, а вовсе не из-за предстоящего плавания на большом корабле, хотя и она ещё ни разу в жизни не бывала в море.

Слова Малики прочно сидели в голове и подвывали, что голодные псы: «Откажется... не сможет помочь... разведёт руками» – вот чего боялась Лина. Больше обратиться было не к кому: кругом столько знакомых, но обычных людей, не подходящих для спасения оборотня. Даже дяде пришлось наврать нечто неправдоподобное про помощь родной тётке Малики,

живущей на другом конце страны, за что она (тётка) обещала вернуть зрение. Дядя засопел и пробурчал: «Смотри, дело твоё, не маленькая уже. Но ты это, самое, того – будь осторожна».

Два с половиной дня подруги находились в пути к столице Королевства – Альмире, которые провели преимущественно молча, каждая в своих мыслях и переживаниях. Лина спросила ворожею, не видит ли она чего важного? Но Малика пожала плечами и ответила: «Смотрела уже, Линок, ничего».

Ворожея жадно всматривалась в окно экипажа, что вёз их через три деревни по ухабистым подмерзшим тропкам. Путь не всегда лежал по главной дороге: ехали и через редкий лесок, а иногда приходилось огибать пустые поля, с которых давно уж собрали урожай. Поздняя осень навевала уныние, пасмурное тяжёлое небо грозило разразиться не то дождём, не то снегом, однако на протяжении двух дней осадков не случилось. Несмотря на тусклый пейзаж за окном кареты, Малика улыбалась: она может видеть всё! Всё, что происходит в данный момент, в эту секунду, а не когда дар соизволит показать что-то. Лина в основном молчала, иногда зябко передергивая плечами, хотя в дорогу надела тёплую меховую накидку и перчатки, предусмотрительно подготовленные Маликой. Обе подруги нарядились в тёплые изящные платья и шляпки под цвет.

Добравшись до главного порта королевства, Малика взяла Лину под руку, и они двинулись к центральной лавке у причала. Ворожея крутила головой, разглядывая непривычный вид шумной столицы у границы моря. Скопление народа совершенно разного уровня жизни: крепкие пьяные матросы, грязные бродяги, попрошайки, горланящие торгаши, хрипло смеющиеся размалеванные девицы совсем рядом с наряженными дамами и господами высшего сословия и знати, прибывающими в порт в золочёных каретах. Перед богатыми горожанами кланялись лавочники и ремесленники, продающие втридорога свой нехитрый товар.

Девушки заняли очередь перед входом в просторную лавку с вывеской «Морской учёт»: через окно было видно, как серьёзного вида пожилой секретарь вёл записи в книгу прибытия, изредка обращаясь к стоящему рядом помощнику. Девушки смогли попасть в помещение лишь спустя четверть часа.

– Корабль «Оракул» скоро прибудет? – Поинтересовалась Малика у седовласого господина, безотрывно записывающего мелкие корявые буковки на плотный лист.

Господин поднял взгляд и, не ответив на вопрос, усмехнулся:

– Ещё одна. Становись в очередь, сердцеедка. Что вас сегодня, как грибов после дождя, повылазило? Что вы пристали к кораблю, там бедная и утомлённая команда, или я чего-то не знаю?..

Малика не поняла его и стала оглядываться по сторонам, в надежде спросить у кого-то ещё. Лина оказалась довольно близко и влезла в разговор:

– Добрый день, сэр, мне кажется, вы обознались, приняв мою подругу за девушку недостойного поведения, – резким тоном отчитала Лина.

– Что-о? – Малика сделала круглые глаза и вновь повернулась к секретарю. – Вы назвали меня продажной девкой? Да как вы посмели!

Секретарь изобразил раскаяние и замахал руками, призывая говорить тише, поскольку на них стали оглядываться другие пассажиры знатного происхождения.

– Нет-нет, что вы, сударыня, я не то, совсем не то... простите, если вам показалось, но я лишь посетовал, что слишком большой интерес сегодня вызывает именно этот корабль...

– Ну допустим, – фыркнула Лина, не давая Малике и рта раскрыть. – И когда же он прибудет?

Мужчина развёл руками.

– Боюсь, «Оракул» уже отчалил. Вот он, в нескольких метрах.

Лина развернулась по привычке, вслед за подругой, а Малика отчётливо видела сквозь стекло лавки медленно удаляющийся большой парусный корабль с галюнной фигурой в виде глаза.

– Но... но как же так?! – Вскрикнула Лина.

Малика сообразила довольно быстро и вновь вернулась к седовласому мужчине:

– Ответьте-ка, любезный, а в каких портах у него будет остановка? И, собственно, куда он плывёт?

– Корабли не плывут, – мягко поправил он, – они ходят. Ушедший корабль следует маршруту Лания – Юминь, с десятью остановками в торговых городах. Стало быть, после Альмиры он причалит к Шайнаре. Затем – к Донвану. А после...

– Всё понятно, – раздражённо перебила его Малика. – Спасибо. И как скоро он окажется в Шайнаре? В какое время?

Секретарь вздохнул.

– Сударыня, я не могу ответить вам с полной уверенностью до часов, уж извините. Средний расчётный период составляет три дня. Возможно, два с половиной. А может – три с четвертью. Это зависит от...

– Я поняла, – снова ответила Малика. – Благодарю.

Ворожея подошла к Лине, которая тихо плакала, уткнувшись невидящим взглядом в море сквозь стекло.

– Не разводи мокроту, Линок, – ободряюще шепнула Малика. – Ещё не конец нашего путешествия.

– Что ты хочешь сказать?

– Около одной из лавок, напротив причала, крутятся мелкие перевозчики. Незаконно, конечно, но товары и людей провезти могут.

– Откуда ты это знаешь?

– Мой постоянный клиент, купец Лекс, много лишнего болтает, знаешь ли... а теперь я и сама вижу, что вон у той лавки стоит очередь. У хозяина глаза больно хитрые. Ну не за рыбой же они все пришли, так ведь?

Лина вытерла слёзы и шёпотом спросила:

– Ты надеешься догнать корабль?..

– Это дело второе, вначале нужно пробраться к капитану и всё выяснить.

Девушки быстрым шагом направились к маленькой лавке, торгующей рыбой и снестями. Малика оказалась права: толпа из десяти человек ждала вовсе не морских товаров. Молодые парни и три девушки то весело хихикали, то переходили на шёпот, продавец нервно оглядывался по сторонам и каждого пассажира сначала оценивающе разглядывал, затем записывал что-то (должно быть, имена) взимал плату и рассказывал подробности путешествия. Лина услышала, что мест больше нет.

– Что же делать? Нас не возьмут...

– Цену набивает, паршивец, – фыркнула Малика, оглядываясь на морской простор. Её манила водная гладь, хотелось подойти поближе, послушать шепот волн... но это было невозможно в суете столичного порта, и следовало поскорее оказаться хоть на каком-нибудь судне. – Они только этим и живут, что набивают полные трюмы товарами без разрешительных знаков города и людей также перемещают, пока на проверяющих постах стража не задержит.

– Стража?! Я не хочу связываться со стражей...

– Спокойно, Линок, это бывает редко. И наказывают капитанов. Ну, если верить Лексу...

– А если всё-таки нам «повезёт»?

– Что-то я не поняла: ты передумала спасти своего Тёмного? – Строго спросила Ворожея, на что Лина сразу замотала головой. – Ну то-то.

– Не припомню в тебе дух авантюризма, – пробормотала Лина. Малика улыбнулась.

– Я и сама не знаю, что творится со мной. Я чувствую приключения.

Лина коснулась её руки:

– Ты видела?..

– Нет, но я чувствую что-то такое... волнительное. Вот увидишь – у нас всё получится!

Когда подошла очередь Ворожеи, хозяин нагло оборвал её на полуслове и сказал, что лавка закрывается. Даже полетевшие вслед обещания уплатить вдвое больше не возымели эффекта, и Малика оказалась сбита с толку, ведь она была уверена в силе золота. Лина лишь вздохнула и медленно побрела прочь от лавки. На неё налетел крепкий мужчина с курчавой медной бородой, едва не опрокинув на землю. Малика подбежала тотчас и осыпала незнакомца бранью, отчего Лина слегка покраснела. Беспомощная слепая, жалкая и уязвимая – она не может постоять за себя даже в пустыках. Слёзы отчаяния навернулись на глаза, но девушка сумела сдержаться, подумав о Малике: теперь она её «защита» от сурового мира, хотя всего месяц назад ни ворожея, ни Лина не могли и подумать об этой зависимости.

– Я извиняюсь в десятый раз, сударыня, прошу прощения, я вас не заметил... я ужасно спешу, простите. – И он помчался к закрытой лавке, стал долбить по уличному прилавку кулаком, пока хозяин, ответив почти таким же запасом бранных слов, что и ворожея, не открыл двери.

Они долго спорили, ругались, препирались, затем меднобородый проскользнул внутрь и вскоре вышел уже расслабленный, с улыбкой, сжимая в руке свиток в кожаном чехле. Проходя мимо расстроенных подруг, что присели на лавке у пристани, он обратился к ним:

– Ещё раз извиняюсь, милые дамы.

– Всё в порядке, – миролюбиво ответила грустная Лина. – Надеюсь, вы успели по своим делам. Нам теперь некуда торопиться...

– Но это не значит, что можно нестись сломя голову, – проворчала Малика, разглядывая мужчину исподлобья.

– Я должен был отвоевать свой товар у того жмота, – рассмеялся он приятным глубоким смехом. – Моя шхуна отплывает через четверть часа, а списков никто вовремя не подал.

– Вы – капитан? – Недоверчиво спросила Малика.

Мужчина поклонился и улыбнулся. На вид она дала ему около сорока лет, мужчина был крепкого здорового телосложения, с искрящимися живыми голубыми глазами, небольшой залысиной и тёплой улыбкой, что собирала мелкие морщинки у глаз, как лучики. Ворожея только сейчас обратила внимание на его одежду – капитанский китель и фуражка под мышкой.

Лина не услышала ответа и переспросила:

– Так вы капитан? Мы были в лавке, но нам отказали: мест уже нет. Это ваш корабль набирал людей?

Он смутился, видимо, не ожидая такого прямого вопроса, и Малика невольно отметила про себя: а капитан хорош. Он какой-то живой, с меняющейся мимикой на лице, за ним интересно наблюдать. А медная курчавая борода делала его образ лёгким и весёлым.

– Ну...как бы вам сказать... не совсем. У меня...гм... *специфический* товар. Но пока спрос есть, я приглашаю несколько человек. А на тот корабль, что уходит в Тиас, я не советовал бы вам садиться. – И он шёпотом добавил, наклоняясь ближе к Малике, – там нынче много крыс.

Девушка усмехнулась, а Лина поморщилась:

– Подумаешь... но вы сказали – Тиас? А мы думали, что путь будет как у «Оракула», с остановкой в Шайнаре...

Капитан удивился, отчего его брови поползли вверх, а Малика снова залюбовалась интересным мужчиной. Пронизывающий морской ветер настиг их, заставляя девушек поёжиться от холода. Лина обняла себя руками, желая согреться.

– Может быть, я открою вам некую тайну... но не все суда следуют только в Юминь или Ланию. – И он захохотал, едва не выронив свой драгоценный свиток. Мимо них прошло несколько пар лордов и леди, морщась от криков и гомона, что доносились с пристани.

– А куда же следуете вы? – С любопытством поинтересовалась ворожея, пропустив колкость.

– Я бы сказал, зову сердца, но до конца года моё сердце связано контрактом. Как раз моё судно следует туда же, но с другими остановками – я должен завернуть на один остров по пути. Вы заинтересованы, я вижу, путешествием?

Ворожея поднялась с лавки и оказалась почти на одном уровне с капитаном: её макушка в зелёной шляпке доставала ему до виска. Она бойко ответила:

– Очень заинтересованы.

Капитан смущённо улыбнулся и отвёл взгляд в сторону. Но не успел ничего ответить, как с палубы небольшого двухмачтового судна кто-то закричал и замахал руками.

– Кэп, время, Кэп!

– Ох, простите, мне пора, приятно было пообщаться... – засуетился капитан и как-то неуместно пожал руку Малике и махнул Лине, будто она была способна это увидеть.

Когда мужчина удалился на десяток шагов, Малика набралась смелости и крикнула:

– Капитан! Так что насчёт путешествия?

Он обернулся, бросив быстрый взгляд на машущего человека, и вернулся к девушкам:

– Вы серьёзно решили путешествовать морем, дамы? У меня как раз осталась пара мест, ведь все трюмы забиты товаром. Только времени совсем нет, и если ваш багаж ещё в пути...

– Мы готовы, капитан, – ответила Лина. – Ничего лишнего у нас с собой нет.

Он кивнул и улыбнулся Малике:

– Тогда приглашаю вас на борт, дамы.

***

Я повёл носом: в лесу что-то поменялось, и дело оказалось в снятой защитной пелене – или как они там это называют. Нечистый всерьёз поверил, что я пойду домой и очистил путь, дабы волчонок не заплутал от его мороков и заколдованных тропинок. В начале я почувствовал долю гордости: опередил рогатого на шаг, понял, что к чему, но спохватился: у этого леса повсюду уши и каждая мелкая погань умеет читать мысли. Оставив при себе размышления насчёт нечистого, я отправился на поиски тех «уснувших» камней, мысленно напевая песенку о возвращении в родные края.

Во сне, что позволил мне увидеть Дух Леса, я заметил, что каждый камень располагался у корней дерева, а когда камни начали светиться – стволы мгновенно почернели, словно из них высосали жизненные силы. Первым делом отыщу хотя бы одно такое дерево, а дальше мне поможет волчий нюх.

Идея казалась превосходной, если бы не невесть откуда взявшийся старый знакомый – толстый леший с шершавыми, будто кора, пятнами по телу, возник на тропинке и радостно пропищал:

– Здорово, серый!

– И тебе не хворать, – с досадой ответил я. – Чего надо? Снова дубинкой бить будешь?

– Нет, что ты... ну прости, я ж не сам, мне приказали...

– Приказали, – передразнил, – а ещё вам всем приказали не трогать меня и скрыться с глаз. Домой я возвращаюсь. Скучно тут у вас.

Леший вздохнул и подошёл ближе:

– А я вот и пришёл проводить...

– Приказали? – С усмешкой уточнил, на что он кивнул.

Я едва голову не сломал, стараясь не выдать внутреннего недовольства и нарастающей злобы. Мы медленно двигались вперёд, я тянул время, чтобы придумать, как спроводить провожатого, а леший, кажется, вообще не размышлял: знай себе переставлял огромные тяжёлые ноги в такт моим шагам.

– Слушай, а что ваш Зайчик такой заботливый вдруг стал? Он же раньше был совсем другим: кровожадным, злющим как сам дьявол, хотя... он же и есть дьявол.

Леший посмотрел на меня с удивлением:

– А ты откуда знаешь? Эх, было время, да... Но не нам же судить о его делах.

– Да какие там дела, – плёл я, надеясь попасть в нужное русло разговора. – Состарился он, стало быть, уже хватка не та. Только и сидит да приказы отдаёт. Скучно тут у вас, говорю же.

Провожатый поджал губы и нерешительно промямлил:

– Да как везде. Теперь уж не сыщешь леса, чтоб как раньше: свободные руки и без Хозяина.

– Да, то ли дело было лет эдак сто назад. Вот там творили, что хотели, скажи?

Леший радостно продолжил:

– Ой, правда твоя. Мы с другими лешими такие проделки выдумывали – красота. Путников до седых волос пугали, охотников к взбешённым кабанам и медведям подводили, красавиц в мавок превращали, но и за лесом пуще следили – деревья оберегали, выращивали редкие саженцы... эх... воля была! Нас и боялись, и уважали.

– А теперь какому-то Зайчику кланяться надо, – фыркнул я, но, похоже, переиграл: леший посинел, закашлялся, замахал ручищами:

– Что ты говоришь, окаянный, тише!

– Куда же тише, я же в своей голове разговариваю.

– Да чтоб тебя, перестань сейчас же, – нахмурился он. – Негоже так про Предводителя говорить. Ну изменился, ну и что ж теперь. Он, поди, и сам не рад. Зато нас никто не истребляет.

– Понимаю, – сочувственно ответил. – А что ж он не рад, раз сам изменился?

– А ты будто не знаешь, – усмехнулся леший. – После такого горя сам не поймёшь, как изменишься. Правда, мы думали, что в другую сторону его потянет: что шибче станет бесноваться. Но остепенился вот, придумал правила и бдит за лесом.

Тропинка вела нас сквозь колючие замерзшие кусты, но я углядел чуть в стороне почерневший ствол:

– Погоди-ка, нужду справлю. Я немного вперёд пройду.

– Да хоть тут делай, ты же волк?

– В первую очередь, я человек.

Провожатый пожал плечами и отвернулся, когда я потрусил к дереву.

Глава 4

Капитан проводил девушек в тесную каюту и, бесконечно извиняясь, поднялся на палубу. Малика отметила про себя, что корабль находится в обиходе, должно быть, недавно: повсюду пахнет смолой, едкой краской и свежей струганой древесиной. Небольшое судно относительно пассажирских кораблей всё равно показалось Малике огромным. Паруса, канаты, верёвки, катушки, бочки, ведра, щётки и ветошь, злой порывистый ветер и просоленный запах, скрип досок составили для ворожеи первоначальную картину будущего морского путешествия на этой шхуне. Команду она не успела разглядеть, лишь мельком заметила подбежавших к борту крепких парней, схватившихся за какой-то канат.

Интересно, что сам капитан, назвавшийся Сидорхом, не производил впечатления богатого лорда, который мог бы позволить себе небольшое, но новое торговое судно и команду. Возможно, он наёмник.

Судно отошло от причала под дружные командные крики моряков.

– Расскажи, что ты видишь, – попросила Лина. – Я так мечтала побывать на корабле, в море, насладиться свободой и красотой волн... но теперь ощущаю лишь тошноту и приступы паники.

Малика грустно улыбнулась – ей было знакомо это чувство обделённости.

– В каюте не на что смотреть, Линок. Две узких доски у стен, именуемых кроватями, выдвижной столик и тумба, прибитая к полу гвоздями. На полу, возле тебя, стоит кувшин с лоханью – для умывания, наверное. А под кроватью... ага, так и есть – ночной горшок.

Лина засмеялась, расплетая причёску из кос, что сбилась под шляпкой. Малика последовала примеру подруги и запустила руки в тёмно-каштановые кудри, распрямляя пальцами непослушные завитки.

– А ещё тут душно, тебе не кажется? – Ворожея с выдохом расстегнула тяжёлый лиф верхнего платья и промокнула платочком шею, спускаясь к зоне декольте. – Или это из-за нервов? Я почему-то чувствую тревогу...

Подруга пожалала плечами. Она лишь скинула шляпку и меховую накидку на койку. Погода была довольно холодной, и в каюте это чувствовалось.

К ним заглянул худощавый светловолосый паренёк, но, увидев Малику не совсем одетой, попятился, споткнулся о сундук, чертыхнулся и убежал вверх.

– Что это было? – Поинтересовалась Лина под смех Ворожеи.

– Стеснительный мальчишка забегал. Всё в порядке. Может, ты хочешь отдохнуть? Я помогу тебе снять верхнее платье, – заботливо предложила Малика.

– Да, спасибо. Я неважно себя чувствую.

Лина быстро уснула, пробормотав «Маркус» в полудрёме и укрывшись пледом, а Малика, вновь одевшись, собралась подняться на палубу в поисках капитана Сидорха.

На первой лестнице ворожея столкнулась с курносый пареньком, что заглядывал в каюту. Светловолосый покраснел и удрал к носу.

Незнакомый мужчина оказался у ступеней, ведущих на верхнюю палубу. Он молча смерил недовольным взглядом девушку и нехотя подал ей руку, помогая подняться. Худошавый, высокий, с вытянутым, неприятным хмурым лицом – полная противоположность круглолицего, открытого и улыбчивого капитана с медной бородой.

– Благодарю, – улыбнулась ворожея. – Я не помешаю? Могу ли увидеть капитана?

Мужчина пожал плечами и кивнул в сторону:

– Да вон он, на квартердеке.

Малика непонимающе хлопала глазами.

– У колеса, у руля, – ответил он, заметно раздражаясь, махнув при этом рукой, и зашагал в противоположную сторону.

Ворожея осторожно двинулась в указанном направлении, обходя толстые болтающиеся канаты повсюду, пропущенные через механизмы, сторонясь нависающих балок. Девушка скользила по блестящей палубе под смешки команды. Ветер ледяными шпагами пронизывал платье, оставляя на месте «уколов» лёгкое онемение. Она поднялась по ступеням на небольшую возвышенную площадку и увидела капитана, смеющегося в кулак.

– Вы надо мной потешаетесь? – Смело поинтересовалась Малика, догадавшись, что он с самого начала наблюдал за ней сверху.

Девушка скрестила руки на груди и чуть приподняла подбородок. Капитан улыбнулся и пригласил жестом подойти поближе.

– Простите, сударыня. Вы так мило смотрите на моей суровой мужской посудине, и совсем не грешно заблудиться среди такого бардака.

Малика сморщила носик, прощая его бестактность. Она встала рядом и с интересом наблюдала за происходящим на палубе. Отсюда и вправду открывался полный обзор: экипаж не бездельничал, и каждый матрос занимался своим делом.

– Простите моё невежество, но я первый раз путешествую по морю. И эти ваши верёвки повсюду и торчащие балки немного сбивают с толку.

– Я и сам иногда сбиваюсь, зацепившись ногой за канат, и думаю: «Зачем здесь столько всего повешали?...» – Капитан не выдержал и захохотал, а Малика погрозила пальчиком:

– Шутите, да? А вот что за бревно расположено горизонтально, на мачте, если не ошибаюсь?

Сидорх пригладил курчавую бороду:

– Это «бревно» называется гик, сударыня. Гик выполняет весьма важную роль – помогает развернуть паруса в нужную сторону и поймать встречный ветер.

– Нужная вещь, оставляем, так и быть, – засмеялась Ворожея и почувствовала головокружение, отчего невольно сделала шаг назад, а капитан успел поддержать её за руку.

Видение вторглось в сознание и показало жаркие объятия и поцелуи двух тел под покровом ночи – то были Малика и капитан Сидорх. На щеках девушки тут же проступил румянец. Про себя она подумала: «Какая глупость! Не бывать этому!», но на мужчину посмотрела оценивающим взглядом, словно примериваясь к открывшемуся будущему.

Заметив перемену, капитан деликатно спросил:

– Как ваше самочувствие, миледи? И, кстати, достаточно ли уютна ваша каюта? С вашей милой подругой всё хорошо?

– Спасибо за заботу, всё хорошо, каюта ужасна, а подруга отдыхает.

Капитан, не дослушав, довольно кивнул, а затем на лице промелькнула тревога:

– Что вы сказали? Ужасная каюта? Эти олухи не отмыли её как следует?!

Малика усмехнулась, кокетливо пожав плечиками:

– Всё в порядке, я просто сравнила с привычными покоем. Даже моё скромное жилище кажется в двадцать раз больше.

Сидорх приложил руку к груди и выдохнул:

– Не шутите так, прошу, у капитана сердце чуткое и нежное, когда дело касается его судна.

Ворожея посмотрела ему в глаза и тихо спросила:

– Это касается только судна? Вся нежность досталась ему?..

Мужчина с трудом отвёл взгляд и кашлянул, пытаясь сгладить неловкий момент.

– Я не стал бы утверждать, но...

С палубы послышался крик:

– Кэп! Смена, Кэп!

– Разбудите Чифа, этого оболтуса, – крикнул в ответ капитан. Его голос показался Малике слегка хриплым, но приятным, глубоким. – Сударыня, позвольте я провожу вас до каюты, меня ждут некоторые обязанности.

Ворожея почувствовала себя способной высказать больше, чем позволяли общественные приличия: жажда жизни, желание всё увидеть и ощутить в полной мере сделали Малику раскованной и напористой. Тянувшиеся серые дни затворничества закончились, пришла пора наслаждаться настоящим.

– Зовите меня Малика, пожалуйста. Я немного смущаюсь необходимости придерживаться столичного этикета, ведь мы в открытом море. А это гарантирует какую-то особенную свободу... понимаете, о чём я?

Капитан кивнул и ответил:

– Прекрасно вас понимаю, Малика. Я и сам не сказал бы лучше. Но и вы зовите меня Сидорхом, договорились? Долой этикет, но вашу ручку я всё-таки поцелую, если позволите...

Капитан коснулся тёплыми губами нежной руки ворожеи, слегка задев кудрявой бородой. Вновь встретившись взглядами на секунду, Сидорх едва слышно вздохнул и проводил притихшую смущённую девушку до каюты.

***

Лина провалилась сквозь сон прямо в Затерянный лес. Она смотрела будто сверху, как мохнатый огромный волк раскапывает когтями землю у корней почерневшего дерева. Чуть поодаль ожидает омерзительного вида толстый леший, покрытый какими-то коростами. И хотя раньше девушке не приходилось видеть настоящую нечисть, но она почему-то точно знала, что это за тварь. И он ждёт волка, смутно кого-то напоминающего.

Девушка попыталась привлечь внимание, хлопнув в ладоши и кашлянув, но никто и ухом не повёл. Лина даже не сразу поняла, что в этом странном сне она снова видит, а ещё чувствует запахи леса и кожей ощущает промозглый осенний холод. Тем временем у волка под лапой что-то блеснуло, он воровато огляделся и засунул находку в пасть. Леший хмурился в ожидании, но вот спутник вернулся на тропу, и они двинулись дальше меж облетевших деревьев и колючих кустов.

Сон переместил Лину в другой конец леса, показав пригорок, где стоял ещё один волк – бесподобно прекрасный, с белой лоснящейся шерстью, скаля клыки. Настроение передалось

девушке – волк был в ярости, он злился и рвался на охоту, но совсем не ужин интересовал его: в лесу появился чужак.

– Линок, Линок! – Встревоженный голос ворожеи доносился как сквозь толщу воды, и Лина сопротивлялась ему: она хотела остаться там, в лесу, потому что чувствовала – это важно. Подруга принялась трясти за плечо, отчего девушка поморщилась и нехотя вернулась в реальный мир.

– Что такое?

– Что такое? Ты ещё спрашиваешь?! Это ты мне Расскажи, красавица, почему ты истекаешь кровью во сне?

Лина подскочила на твёрдой кровати, едва не стукнувшись головой о выпирающий раскладной столик, компактно размещённый на стене. Малика пояснила, добывая свежий платочек из сумочки, которую девушки взяли с собой в дорогу для мелочей.

– Твои глаза кровоточат, Линок. Это очень плохо.

– Но я ничего не чувствую! – Вскрикнула Лина и принялась вытирать лицо платком, заботливо вложенным в руки. – Это какая-то болезнь? Скажи мне правду, Малика.

– Я не знаю, дорогая, у меня такого никогда не случалось... но на судне же должен быть лекарь, погоди, я сейчас.

Малика умчалась наверх, оставив Лину в растерянности и страхе. Как будто ей мало слёпоты. На сердце стало так грустно и тоскливо, невыносимо одиноко, что девушка прошептала вслух, размазывая по лицу кровавые слёзы: «Маркус, где же ты?..».

***

Капитану стоило больших трудов воспринимать нравоучения подчинённого, баталёра, хотя кулаки пару раз сжимались и вздувалась вена на лбу. Сколько ещё он должен выслушивать это? Сколько ещё выдержит? Но кулаки разжимались, вырывался тихий вздох, а он по-прежнему внимал «голосу разума»:

– Ты привёз всего троих, Сидорх. Этого мало. Повелитель будет недоволен. А сейчас и того меньше – двоих, да и то каких-то странных особ.

– О чём ты говоришь, бей Чалеби? Сейчас на судне нет никого для султана. В этот раз я обещал привезти диких птиц, чтобы развести их в ваших землях.

– В ваших землях, – передразнил долговязый хмурый мужчина. – Запомни, Сидорх: ты будешь дышать и ходить под парусом, пока это угодно Повелителю. Пока он доволен тобой, но стоит допустить малюсенький промах – бац! – Мужчина громко хлопнул ладонью по столу. Капитан и ухом не повёл, лишь поморщился. Они находились в кубрике, отослав чифа наверх к штурвалу. – И нет доброго капитана. И нет судна «Красотка». Ты понял меня?

– Я знаю об этом, бей Чалеби, нет нужды повторять. Скоро будем в порту, высадим пассажиров и отправимся за птицами. А в следующий раз я привезу султану самых роскошных наложниц.

Бей засмеялся неприятным гортанным смехом:

– Ну нет, этого не будет: ты за дурака меня держишь? Или султана дураком считаешь? На борту есть девицы. Вот их и доставишь. Не бойся, не помрут за неделю, прокатятся с нами – уж не такие нежные, как те птицы, что пожелал Повелитель.

Сидорх оскалил зубы и прорычал:

– Ты путаешь своё место, бей! Тебя послали не указывать мне, а наблюдать. Не тронь моих пассажиров, они здесь не при чём. Наложниц я выбираю в другом месте, и они знают, на что идут. Не вздумай сунуть свой поганый нос в их каюту!

Баталер усмехнулся и двинулся на выход, больно задев плечом капитана. Но он сделал вид, что лишь пытался протиснуться в тесном помещении. Капитан остался один. Постояв немного с опущенной головой, уперев руки в стол, он выругался: «Проклятье!», затем потёр

лоб и устался на дверной проём. Ему было видно, как по палубе бежит, скользит и едва не падает, чертыхаясь, Малика. Миновав удивлённого бея, обернувшегося вслед, она крикнула:

– Лекаря, сюда, срочно! Есть тут лекарь?

Матросы переглядывались и молчали, девушка металась от одного к другому, не понимая этого молчаливого равнодушия. Капитан вздохнул и выскочил из каюты.

– Что стряслось, сударыня? Лекарей мы с собой не возим.

– Проклятье! – выругалась она. – Лине, моей подруге, срочно нужна помощь!

Капитан кивнул и поспешил следом, пытаясь ухватить Малику за руку, чтобы удержать от падения – она дважды цеплялась носком туфли за верёвки.

– Я немного понимаю в лечебном деле, но в грубом исполнении, – признался Сидорх.

– Я тоже кое-что понимаю, – резко ответила она. Девушка была не на шутку взволнована и напугана. – Но с таким сталкиваюсь впервые. Её глаза...

***

Леший шагал чуть впереди, небрежно размахивая любимой дубиной, что задевала корявые жёсткие ветви, иногда преграждающие путь. Я старался отвлечься от своей находки у корней мёртвого дерева. Но когда вам говорят не думать о птице, то вы думаете именно о ней.

– Слушай, леший, а та избушка и правда этому вашему Зайчику принадлежит?

Мой спутник обернулся и остановился, а когда я поравнялся с ним, неуверенно как-то ответил, пряча глаза:

– Ну так это, всё в лесу его... значит, и избушка его.

– И что же, он там бывает? Ночует?

Он почесал грязное пузо и пожал громадными деревянными плечами:

– Заходит иногда. А тебе что за дело? – Вдруг прищурился он.

– Да какое там дело... так, праздный интерес. Не вяжется его «Темнейшество» с таким домом. Слишком там по-человечески, что ли. Чисто, уютно, да и пироги... ха, а кто же стряпал их, кстати говоря? – Я и вправду думал об этом, отвлекшись, наконец, от сокровища в пасти.

Леший поднял довольную морду и улыбнулся жуткой, но искренней улыбкой:

– Дык я стряпал... за избушкой-то приглядываю, вот и содержу в порядке... временно там живу.

Я удивился и усмехнулся – аккуратист нашёлся, ещё и стряпней промышляет. Странная нечисть какая-то получается. И тут снова заметил почерневший ствол тонкой осины, а ведь мы и полмили не прошли. Сославшись на зверский голод, я убежал вперёд и сделал вид, что охочусь на белку, скачущую по ветвям соседнего дерева. Леший смиренно стоял в стороне,

ковыряя толстым пальцем в волосатом пупке. Хоть он и не говорил вслух, но по его виду я понял: провожатый слегка обижен, что я не предлагаю участвовать в охоте. В заколдованном лесу царил скука и смертная тоска.

Под осиной ничего не обнаружилось, зато пришлось погонять бедную белку для отвода глаз. Я увлёкся и забрёл в заросли блекло-серого можжевельника. Меж сплетённых ветвей вдруг увидел горящие немигающие глаза.

«Только попробуй кинуться на меня, нечистое отродье!» – мысленно прорычал, уверенный, что это очередной соглядатай костлявого Предводителя, ведь запаха от незваного гостя я не учуял.

Леший уже отправился по моим следам, сердито сопя на весь лес.

– Ну что, ты это, закончил? – пропищал мой провожатый.

Я медленно отступил на несколько шагов и, не оборачиваясь, спросил его: «Что же твой дорогой Зайчик обещания не держит? Очередную свинью подложить мне захотел?». На секунду я отвёл взгляд от кустов, а когда посмотрел вновь – там никого уже не было.

Леший повертел лохматой головой, оглядываясь по сторонам, и поинтересовался:

– Свинью? Не, тут не водятся. Кабаны только дикие, и тех по пальцам пересчитать. Запрет на истребление, во как. А ты где его увидел?

Я усмехнулся.

– Да показалось, что в кустах застрял. Ладно, идём дальше. Скоро там выход-то уже?

– До выхода может и не так далеко, а вот покинуть лес можно только в полночь. Сам понимаешь – охранные заклятья, ведь не зря это Затерянный магический лес.

– И что же, я должен до ночи у вас куковать? Вот тебе и гостеприимство, – наигранно обиделся я, вышагивая на тропинке чуть впереди. Леший тащился следом и пояснял, словно извиняясь:

– Не мной правила придуманы, уж прости, серый. И даже не Зайчиком, он сам теперь как пленник... ой, то есть... ну это, в полночь откроются врата, не переживай. Отдохнёшь напоследок.

А вот это уже интересно. Не Зайчиком придуманы правила, говоришь? Сам он как пленник? Ох, повезло мне с попутчиком, в самом деле... но я поскорее отогнал навязчивые мысли, чтобы их никто не подслушал. Я стал внимательнее всматриваться в каждый куст и дерево, стараясь не полагаться только на нюх – видать, особая магия витала вокруг нечисти, раз я не мог загодя распознать их.

Леший понял, что сболтнул лишнего и больше не поддерживал разговор, шагал быстро и размашисто, словно хотел сбежать.

День выдался длинным, до заката было далеко, по пути я больше не видел тех горящих глаз, как и деревьев с почерневшими стволами. Удача махнула хвостом и скрылась в неизвестном направлении. Прошагав несколько миль, мы остановились на привал у крохотной узкой речки с ледяной водой. Мне пришлось потревожить лесных жителей и пообедать: с тех пор, как я стал всё помнить и контролировать в теле волка, каждая трапеза давалась с трудом. Я испытывал отвращение, совершая вынужденное убийство птиц и мелких зверей, жрал вместе со шкурой и потрохами, набивая бездонный звериный желудок, пытаясь заглушить проступающую «человеческую» тошноту.

Леший поглядывал на меня с лёгким презрением, обжаривая на прутике крупную крысу. И когда он успел развести костёр?..

– Так ты меня до полуночи караулить будешь или как? – В лоб спросил я, устраиваясь поближе к огню. Брюхо благодарно заурчало, глаза стали закрываться сами собой.

Раз мы никуда не спешим, почему бы не вздремнуть?

Путник перекидывал из огромных рук горячий прутик и облизывал запечённый деликатес.

– Ну чего вдруг караулить? – Обиделся он. – Я же по-дружески, за компанию, чтобы ты не заблудился...

– Ага, как же. Ладно, ты пока поохраняй меня, смотри там, мух отгоняй, бухти что-нибудь...

Леший отчего-то обрадовался, кивнул, оглянулся на лес, и, забыв про крысу, стал рассказывать про деревья: странная тема, но мне было всё равно.

– Когда-то давно, а кажись лет семьдесят назад, появились заросли осины в нашем лесу. Взяли и вылезли на окраине, чудно так. А я в ту пору следил за деревцами-то, изучал. Вот путник однажды забрёл туда, в самый край, и ну ломать тонкие ветви. Я налетел, отругал, хотел даже натравить волков за безобразие, а путник-то оказался перекинувшимся вурдалаком! Он-де прознал про свежие осинки и решил уничтожить, пока в силу магическую они не вошли... всем же известно, что осиновая стружка да колья из созревшей породы вредят мертвякам-кровопийцам... да не только им, конечно. Вот ведьмы черные любят деревце сие, ежели не против них действует: заклятья насылают на сонного человека, ветками осиновыми бьют в грудь, а потом силы высасывают... а вообще, против нежити хороша она, осинка-то. Сколько я их выхаживал, сколько рассаживал! Но не только осинкой занимался ж я: вот, к примеру, кусты можжевельника...

Я сам не заметил, как уснул от неторопливых рассказов толстого, обросшего деревянными коростами лешего. Торчащая из уха зелёная ветка добавляла странности его облику: будто случайно застряла много лет назад, да так и осталась внутри.

Мне приснилась Лина. Из кромешной тьмы, будто откуда-то издалека, вынырнула её тонкая маленькая фигурка. Обернувшись ко мне на секунду и, приложив палец к губам, жестом пригласила следовать за ней. Я не разглядел её лицо, но почудилось, что глаза были закрыты. Не заставляя себя ждать, двинулся следом.

Лунный свет дотягивался до узкой тропинки среди корявых облетевших деревьев и колючих кустов. Из тьмы на нас смотрели тысячи пар глаз, принадлежащие далеко не ночным животным. Лина остановилась и показала на одно мёртвое, чёрное дерево справа. Ствол загорелся тёплым мерцающим светом лишь на мгновение, но я запомнил его и даже будто учуял запах, как бы странно это не казалось. Девушка продолжила путь, ускоряя шаг. Я так хотел остановиться и прижаться к ней, пусть в шкуре волка, но почувствовать тепло любимого тела, ощутить её прикосновения... кажется, даже поскулил едва слышно. Но она резко остановилась, обернулась и крикнула так, что едва перепонки не лопнули:

– Проснись!!!

Я подскочил, ещё не очухавшись ото сна, и зарычал, озираясь в сумраке. Последнее, что я запомнил, были закрытые глаза Лины на бледном лице. Из них текла кровь.

Глава 5

Капитан навис над Линой и добрых три минуты разглядывал бледное лицо. Он хмурил брови, чесал бороду, но к девушке не прикасался. Потеряв терпение, Малика злобно прошипела, отодвигая его в сторону:

– Своих матросов вы тоже так осматриваете?

Ворожея присела на узкую кровать, обмакнула платок в чашу с водой и нежно оттерла новые капли крови, что успели скатиться из глаз.

Лиана вновь крепко спала.

– Раньше такого не было, говорите? – Тихо уточнил Сидорх, чувствуя себя глупым и бесполезным в этой ситуации.

Малика посмотрела на него исподлобья, не ответив. Подруга издала громкий стон, дёрнула рукой, но не проснулась. Она выглядела несчастной и беспомощной, сжавшейся, словно засохший цветочный бутон.

Капитан попятился, ему стало дурно: это напомнило тот злосчастный день, из-за которого он вынужден теперь служить заморскому Повелителю под присмотром услужливого пса – баталера. Но свои мысли он тотчас отогнал: ни к чему лишние расспросы привлекательной дамы, и так уже опозорился.

Кашлянув, Сидорх продолжил озвучивать очевидное:

– Сударыня, а может, это зараза такая? Ну, у слепых же, кто его знает, как там...

Ворожея отложила платочек и медленно поднялась. Она сделала шаг вперёд и упёрлась в капитана бюстом. Тот побледнел, не зная, куда деть руки от волнения. Лицо дамы выражало едва сдерживаемый гнев. Мужчина не мог оторвать взгляда – невольно залюбовался её пугающей решительностью в тот миг.

– Что вы можете знать о слепоте?! Как вы смеее говорить такое? Вы невежда и глупец!

Малика выговаривала в лицо капитана фразы, что разрывали её сердце на части. Она слишком долго была сдержанной и понимающей. Всю жизнь, полагаясь лишь на себя и свой дар, ворожея никому не позволяла даже намёком оскорблять таких же, как она – людей с недугами.

Зарождающийся интерес к Сидорху испарился, Малика смотрела в бегающие голубые глаза, не находя в них больше живого блеска и задора. Капитан попытался промямлить что-то в своё оправдание, но ворожея жестом заставила его замолчать. Она придвинулась ближе: её дыхание словно обжигало его ухо, и проговорила тихо, но доходчиво:

– Спасибо за помощь, капитан. А теперь пойдите вон...

***

Лина вынырнула из небытия, сознание захлестнуло волной новых воспоминаний, словно она только что вернулась из того странного леса. Её била дрожь. Не зная, день сейчас или ночь, девушка тихо позвала ворожею:

– Малика... ты здесь?

Подруга тотчас взяла её за руку и с выдохом проговорила:

– О, Слава Небесам, ты снова со мной.

– Да, я... мы же на корабле, верно? Сколько уже в пути?

Малика погладила бархатную щёку девушки, едва сдерживая эмоции, слёзы, старалась говорить бодро, чтобы не пугать и не расстраивать подругу. Почти сутки она провела у её постели, отказываясь от еды, трижды прогоняя капитана и других молчаливых матросов. Во сне Лина стонала, бормотала что-то неразборчивое, дёргала руками, терла закрытые глаза и несколько раз отчётливо произносила: «Маркус».

Ворожея догадывалась, что именно этот Тёмный каким-то образом устанавливает с ней связь. Но к добру ли это? Быть может, это не он вовсе, а кто-то другой пытается заманить спутанный разум в ловушку? Малика злилась на себя – дар провидения отчего-то молчал, не желая показывать будущего, пускай и самого незначительного. Без привычных сил она ощущала себя беспомощным ребёнком на распутье дорог судьбы.

– Второй день, Линок. И ты слишком долго спала, напугала меня. Ну рассказывай скорее, что происходит.

Лина внезапно вспомнила о своих кровоточащих глазах, коснулась их – на пальцах не почувствовала влаги. Малика заметила этот жест и пояснила:

– Всё в порядке, это прошло. Но объяснений пока нет, прости, дорогая. Так что ты узнала, что?

Девушка улыбнулась, но ворожее эта улыбка не понравилась.

– Я видела Маркуса. Я *была* с ним. Но не знаю, откуда я там взялась. Он был волком: тёмно-серый мех так странно переливался в лунном свете, глаза блестели, помню тоску... он хотел... Но постой-ка, откуда я могу знать всё это? Я ведь не вижу... И по его поведению я поняла, что он был удивлён не меньше, увидев меня. Значит, это не он «призвал» меня...

Малика прикусила губу. Так всё и начинается. Сначала ты видишь словно во сне, отрывками, не понимая половины происходящего. Затем сон забывается и остаётся лишь чувство недосказанности, лёгкой тревоги в голове. В другой раз ты видишь точнее, пытаешься разобраться. Спустя время привыкаешь к таким «снам», учишься их понимать и вдруг ловишь себя на мысли, что давно уже не спишь.

– Ты становишься Ворожеей, Провидицей, – коротко ответила она и сглотнула горький комок в горле.

***

Отгнав наваждение сна, я принялся и огляделся: наш костёр не горел, лешего рядом не оказалось, зато шкурой чувствовал на себе чей-то взгляд. Осторожно ступая мягкими лапами, я обошёл ближайшие кусты, но никого не обнаружил. И словно вспышкой молнии меня озарила мысль: «Лина! Моя малышка была рядом, она показывала путь и то светящееся дерево...»

Но стоит ли верить тому, что видел в колдовском лесу? Однажды меня уже провела мавка. Сжав пасть до скрежета, помчался вперёд, оставляя реку и поляну далеко позади. Странно, но где же назойливый провожатый? Не думать, не вспоминать. Чувствуешь, каким запахом повеяло? Это морозец ударил, ветки и выпирающие буграми корни покрылись инеем. Сумрачный вечер слишком быстро оборачивался непроглядной ночью. Что-то нужно было сделать в полночь... откуда эта мысль? Пустой живот заурчал, появился азарт охоты.

Белка? Заяц? Мелькнула впереди серая шёрстка и пропала. Но я найду. Разорву и сожру, наполняя брюхо сытым теплом. Кровь. Без запаха. Так не бывает. Капля за каплей, иду по следу и вот уже проваливаюсь в черноту проклятой ночи.

Где желтобокая дрянь, где моя сестра, подруга? Где мачеха моя, мой приговор, судьба?

Деревья сцепились ветвями, окружили меня. Терновый куст подкрался сбоку и воткнул острые когти в тело, прямо сквозь толстенную шкуру. Смех раздался противный, будто приправленный эхом со всех сторон. Я метался, скакал по кругу, стараясь сбросить иглы куста, но добился лишь бестолкового удара о столетнее дерево. Будто разглядев через тьму, увидел чёрный ствол, и тот самый запах защекотал ноздри. Вот оно. Только не помню, зачем искал. Мне ведь нужно лишь охотиться. Ты волк. Я – волк. Всего-навсего. Может, я ещё кто-то? Какое-то имя вертится на языке. Но у волков нет имен. Есть запах.

Лина. Кто это?..

***

Малика вышла на палубу – ночной холодный воздух обжигал и заставлял думать яснее. Девушка чувствовала голод, но из упрямства и гордости отказалась от еды, накормив лишь Лину. «Глупая, – подумала она про себя. – Перед кем кривишься?» Но тут же улыбнулась, вспомнив растерянный и виноватый вид капитана.

Пока подруга пребывала в глубоком сне, ворожея не раз выслушивала сбивчивые извинения Сидорха, что бормотал рядом с каютой. Несколько раз заглядывал неприятный тип – этот высокий худой мужчина, которого капитан звал баталером. Но вскоре стало понятно, что вовсе не командующий судном посылал его. Помощник сдержанно справлялся о нуждах и ухаживал за порогом то поднос с кувшином воды и полотенцами, то миску с жидким супом, а ещё – крохотную вазочку с засушенными цветами. Малика переживала и злилась, не желала никого видеть и слышать.

Теперь же, когда Лина пришла в себя, и глаза подруги перестали кровоточить, открылась причина её состояния. Малике нужно было всё обдумать. Подумать о себе за эти сутки, наконец. Она не слышала, как подкрался юнец, что подглядывал за девушками в первые минуты путешествия.

Волны беспечно перекачивали шхуну из стороны в сторону, будто горошину в мешке, отчего палубу качало, заставляя людей держаться крепче. Моряки, привычные к своеволию моря, словно не реагировали на «волнения», а Малике пришлось вцепиться в борт, разглядывая тёмные беспокойные воды.

– Госпожа. Я вот тут... в общем, возьмите.

Вздрыгнув, ворожея обернулась. Мальчишка лет шестнадцати топтался около, не решаясь подойти ближе. Его глаза блестели в темноте, а в руках она заметила тёплый плащ.

– Благодарю. Как тебя зовут? – Устало улыбнулась она и зевнула, едва прикрыв рот ладонью. Юноша протянул одежду и тут же попятился, пробормотав:

– Я Хэм, госпожа. Просто Хэм.

– Спасибо, Хэм. Ты несёшь караул, или как вы это называете?..

Хэм пожал плечами. В темноте проглядывались ещё детские черты лица, но вот-вот наступит период взросления, сутулость и худоба уступят место активному росту, гормоны сделают своё дело, да и работа на корабле не терпит хлюпиков. Должно быть, его ценят. Гоняют, наверное, как щенка. Ещё натаскивают. Отсюда неуверенность и замкнутость. Поджатые к шее плечи. Тонкие губы натянуты струной. Шевелюра каштановая, густая, торчащая в стороны.

Малика разглядывала ночного постового и невольно представляла его через пару-тройку лет возмужавшим красавцем, стоящим у штурвала. Улыбнувшись своим мыслям, ворожея подошла к нему ближе и прикоснулась к плечу кончиками пальцев – так срабатывал дар: дотрагиваясь до человека, о котором ничего не знаешь, был шанс получить интересные картинки

будущего. Затем её сила будто запоминала нового человека и в следующий раз не было необходимости в телесном контакте.

Парнишка будто испугался, но Малика разочарованно одёрнула руку, отступая на шаг, обернувшись к морю. Ничего. Неужели это правда? Дар покинул её вместе со слепотой? Надолго ли? Кто она теперь: всё та же ворожея без дара или обычная женщина (здоровая и весьма привлекательная, надо сказать)? К этому нужно привыкнуть.

Юнга по имени Хэм незаметно скрылся из вида. Малика отметила про себя, что другие члены экипажа тоже словно растаяли в воздухе: ночные смены оставляли лишь нескольких дежурных, и все были заняты нехитрым привычным делом. Молчаливые матросы, все как на подбор – молодые и крепкие, но безучастные ко всему, кроме корабля и моря. Странная команда, однако, ворожея не могла сравнить это путешествие с каким-либо другим.

Позади раздался шум, Малика обернулась – на место Хэма подоспел меднобородый капитан. Вздыхнув, девушка приготовилась к словесной тираде, но мужчина подошёл ближе и уверенно взял её холодную руку в свои тёплые ладони и спокойно проговорил:

– Сударыня... Малика. Вам нужно отдохнуть, вы изводите себя. Я знаю, что виноват. Обидел вашу подругу. Я трижды проклятый дурак, но позвольте же мне надеяться на прощение? Хотите, завтра утром я сам всё расскажу ей, извинюсь?... Мы будем в порту Шайнары через пару дней, и мне не хотелось бы испортить вам путешествие.

Ворожея усмехнулась. Ему было невдомёк, что вовсе не подруга стала причиной её гнева. Он говорил искренне, тихо, море немного успокоилось, теперь лишь слегка покачивало судно, в небе зажигались запоздалые звёзды, тёплый плащ и руки мужчины согревали. Малика почувствовала, как устала, голова показалась тяжёлой, гудящей, захотелось тотчас лечь и закрыть глаза. Словно уловив эту потребность, капитан позволил себе приобнять девушку. Она, не сказав ни слова, положила голову ему на плечо.

Глава 6

Вдохнув сладковатый запах кудрявых, словно пружинки, волос, капитан провёл пальцами по нежной щеке ворожеи и прошептал:

– Вам нужно отдохнуть. Позвольте позаботиться о вас, Малика...

Девушка, прикрывая ладонью ленивый зевок, кивнула. Глаза слипались, ноги подкашивались. Сидорх осторожно поднял на руки и понёс мгновенно уснувшую в его объятиях Малику в каюту. Услышав чужие шаги, Лина подала голос в темноте, приподнимаясь со своей койки:

– Кто здесь?

– Тшш, это я, капитан. Малика очень устала. Она переживала за вас, Лина, а сейчас ей надо поспать.

– Да, конечно...

Капитан бережно уложил ворожею на узкую постель и, на всякий случай оглянувшись на Лину, едва коснулся губами холодного лба ворожеи. Малика во сне сморщила нос, отчего Сидорх улыбнулся и залюбовался ею в темноте каюты.

– Я уже ухожу. Вам что-нибудь нужно? – полушёпотом спросил мужчина, остановившись в проёме. Лина села и тихо попросила:

– Если можно, я хотела бы на воздух. Ненадолго.

Они с капитаном медленно поднялись на палубу, затем на квартердек. Дежурившие матросы молча проводили их взглядом. Обменявшись парой фраз со своим помощником на «корабельном языке», Сидорх отправил того отдыхать.

Лина не могла надышаться холодным воздухом, он обжигал лёгкие, бодрил; морской ветер пробирал до костей, напевая таинственную мелодию. Девушка подумала: «Как жаль, что я не вижу этих просторов! Запах моря удивителен, он волнует, шум волн успокаивает и вселяет

надежду на лучшее. Маркус! Видел ли ты море так, как чувствую его я?..» Морская болезнь сошла на нет, Лина ощутила силу внутри себя.

Капитан наблюдал за девушкой: она стояла вполоборота у борта, слушала море, жмурилась и улыбалась. Ему было жаль бедняжку – такая молодая, симпатичная, но с тяжёлым недугом. Есть ли у неё семья, любимый?..

– Расскажите мне, капитан, что вы видите сейчас.

Сидорх усмехнулся:

– Прошу меня извинить, сударыня, но я не владею поэтичным языком. Не знаю, как описать море иначе: оно подобно ожившей материи из холодного шёлка... струится во все стороны, изгибаясь и преломляясь от встречных преград. Оно невесомо и в то же время тяжелее камня, способно поднять на поверхность и раздавить, поглотить без остатка... Море завораживает и пугает меня, сударыня. Ибо ещё никто из живущих не разгадал всех его тайн. И никогда не разгадает.

Лина обернулась на его голос, заслушавшись.

– Капитан, отчего вы не менестрель?.. Так красиво...

Сидорх засмеялся.

– Я слухавил, милая Лина. Прошу меня простить. Эти строки я подслушал у одного заезжего барда в таверне, пока находился на суше.

– А вы хитрец, – в тон ему усмехнулась девушка. – Но Малику такими речами не возьмёшь, тут надо быть ещё хитрее.

Растерянность и смущение промелькнули на лице капитана – хорошо, что Лина этого не увидела. Он кашлянул, обдумывая её слова.

– Извините, но я...

Лина сделала несколько шагов навстречу его голосу и встала совсем близко:

– Не переживайте, я никому не скажу. Даже Малике.

– Но откуда вы...

– Я слышу, как бьётся ваше сердце, когда она рядом. Затрудняется дыхание, едва уловимо меняется тембр голоса.

Лина улыбнулась и невольно протянула руку, желая коснуться собеседника. Капитан послушно взял её ладонь в свою и тут же заметил, что девушка покачнулась, на миг потеряла контроль над телом, но он успел поддержать девушку. Несколько секунд, – и она пришла в себя, быстро заговорив:

– Вот это да... а вы тёмная лошадка, капитан Сидорх из Миаса...

***

Сверкающие глаза вновь прорезали мрак ночи. Они окружали, словно брали в кольцо. Огромный темно-серый волк скалил зубы и пятился, но не мог остановиться — мерзкие неживые огни повсюду! Поэтому ходил кругами, словно стараясь запомнить каждую пару.

В волчье сознание просочилась, будто сквозь нагромождение камней, мысль: «Обратись в человека».

Что это значит, хищник не понял.

Звуки леса стали меняться. Кажется, это называется смех — такое странное человеческое понятие. Откуда он мог знать о нём? И услужливый голос подсказал: «Сорви амулет, волчонок. Сорви с шеи».

Забыв на секунду про оборону от бесконечного множества пылающих глаз, волк почесал лапой шею, когтями зацепил тонкую цепочку и рванул с силой. Перед ним лежала яркая блестящая вещица, какую носят люди. Он наступил на крышку, — и разрывающая боль влетела в сознание, будто кто-то рвал тело на части, и не было сил сопротивляться.

Я очнулся на промерзшей земле, откашлялся, ноги свело судорогой. Совладав с конечностями, поднялся и схватился за бедовую голову: я всё вспомнил! Лина, исчезновение лешего, кровь, волчье сознание... как будто несколько дней провел в бреду.

Как же хорошо вновь почувствовать себя человеком!

Однако тело вскоре начало замерзать, а я даже не знал толком, как долго амулет позволит мне стоять на двух ногах.

Нацепив обратно на шею единственное сокровище, отправился вперед, еле разбирая тропинку, не в силах остановить поток мыслей. Была ли Лина очередной ловушкой, мороком? Почему я вижу её с закрытыми кровавыми глазами?

Нога ступила во что-то влажное. О нет, только не болото! Но это оказалось небольшой лужицей. Только на воду всё равно не похоже. Человеческие глаза слабы, поэтому пришлось опуститься на колени, обмакнуть палец и принюхаться. Вязкая жижа почти без запаха. А на вкус... кровь.

В лесу полно хищников похлеще меня, в заколдованном лесу — тем более. Стоит ли удивляться? Но что-то было не так. Чутье подсказывало: произошло нечто мерзкое. Сводившие с ума светящиеся точки множества глаз стали повсюду появляться вновь. Но пока я человек, нагой, замерзающий, смысла в борьбе нет. Усмехнулся: грош цена обещаниям Предводителя нечисти, не выбраться мне из леса. Только подумал об этом, — из кустов, с треском поломанных ветвей, стали вылезать безобразные умертвия. Кособокие, одни — без конечностей, другие — с ободранной кожей, кто вовсе без неё, как ходящие скелеты, они надвигались на меня, шли неспешно, тыкали пальцами в мою сторону и мычали, рычали, хрипели. Один самый резвый подскочил совсем близко и прошипел:

— Убийца! Убийца!

Остальные подхватили настрой и на разный лад произносили:

— Убийца! Он убил! Он убил!

Схватив камень с дороги, я огрел урода по морде, отчего тот заверещал и скрылся в кустах.

— Идите в пекло, твари! — крикнул, подбирая очередное «оружие». Благо, тропа попалась каменистая. — Что за чушь вы несете?

Умертвия отступали, но их крики не прекращались:

— Ты убил! Ты убил! Одного из нас! Одного из нас!

Попав двум урмам в головы, я засмеялся, но тут же почувствовал головокружение. Неужели время вышло?

— Ты убил его! Ты ответишь!

– Да кого я убил-то, чудики? – Превозмогая сильную тошноту и жар в теле, спросил, подхватывая очередной камень.

Нежить словно учуяла перемены в моем состоянии и стала смелее приближаться.

– Ты убил ЛЕШЕГО! Ты убил ЛЕШЕГО!

– Что? Да какого...

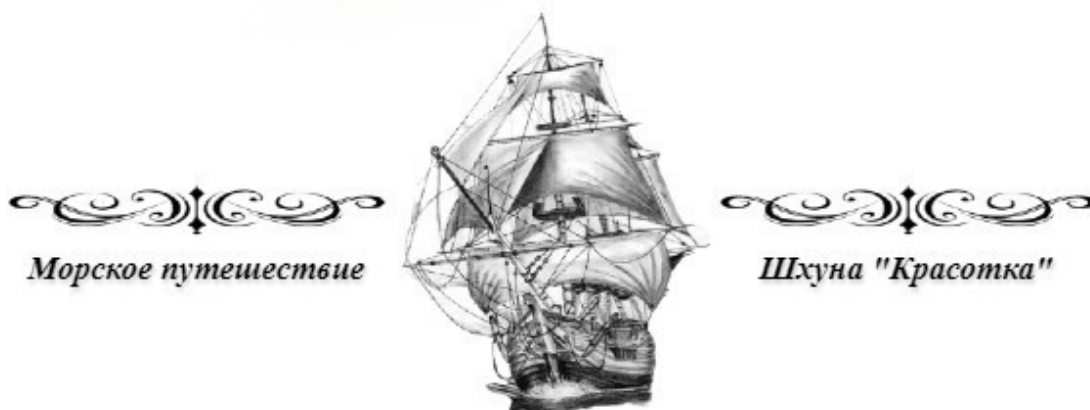
Прежде чем обернуться, разглядел напоследок жест – обрубок руки умертвия указывал вниз, под дерево. И тут я увидел его – провожатого. Толстый, грязный леший лежал на боку с неизменно торчащей веткой из уха, обняв дубинку, в луже крови, что стекала вниз тонким ручейком. Глаза закрыты, он не дышал. Началась трансформация. Человеческое тело взорвалось болью, которая быстро исчезла, – и вот я уже стоял на четырех лапах, окруженный уродцами. В жутких глазах пылала жажда мести. Но при чем тут я? Им этого не объяснить, придется защищаться.

Трое набросились на меня справа, вцепились в шкуру мертвой хваткой, другие опасно подбирались сзади. Одного я все же успел цапнуть, но подоспели остальные: огромная толпа уже бежала на меня. Откуда их столько взялось, ведь «обвиняло» меня не больше десятка существ? Нескольких удалось скинуть, укусить, подрать когтями, но их оказалось слишком много. Почувствовав открытые раны на теле, я разозлился и с остервенением принялся бороться за жизнь, за свою невиновность.

Кто-то сделал глубокий прокол на шее. Должно быть, это клыки. Только вурдалаков мне не хватало! Я взвыл и со всей дури помчался вперед, надеясь насадить хотя бы парочку на колючие ветви. Резкая боль изменила планы, – у меня отказали лапы. Сразу все четыре. Я рухнул на брюхо, мои «наездники» не удержались и покатались кубарем, ломая кусты на своем пути.

Мне показалось, что кто-то завыл в ответ, совсем рядом, а потом разум заволокла пелена.

***

Морское путешествие

Шхуна "Красотка"

Капитан сделал вид, что не расслышал, но проглотил комок в горле. Лина явно обладала какими-то силами. Только не хватало ему очередных магов на свою бедовую голову.

– Позвольте, я провожу вас, вы утомились...

Однако девушка и не думала прекращать разговор. Внутри всё бурлило: эмоции, картинки, чужие тайны вылились клокочущим потоком на неподготовленное сознание. Девушка не желала анализировать, ей хотелось сбросить груз чужого горя как можно скорее. А сделать это так легко.

– Вы служите какому-то Властелину или Повелителю, но не по своей воле... вы даже толком не помните его лица! Но столько смертей окружают вашу семью, и ваш разум всё ещё жаждет отмщения... – тараторила она, а капитан озирался по сторонам, лихорадочно соображая, как прекратить её опасные речи.

– Лина, не стоит...

– Почему вы не покинете службу, если она так тяготит вас? Хотя... я видела тьму... ваш Повелитель держит кого-то в заложниках, он...

Сидорх услышал шорох у ступеней, – тень промелькнула у балюстрады и скрылась в трюме. Лина будто не слышала этого: она увлечённо говорила и говорила, раскрывая новую информацию и эмоционально размахивая руками. Капитану ничего не оставалось, кроме как обхватить девушку сзади и зажать рот одной широкой ладонью, а пальцами другой слегка надавить на её горло. Этого хватило, чтобы она обмякла, не вызывая сопротивления.

Осторожно усадив Лину спиной к скамье, Сидорх проворно спустился вниз, шаги его были бесшумны. На палубе дежурило трое матросов, и чуть в стороне стоял баталер – бей Чалеби, будь он неладен. Но капитан не досчитался одного, самого молодого, которого лично приставил следить за каждым шагом «особых пассажиров». «Так вот кто ошивался рядом и наверняка подслушивал трёп девчонки. Хэм, юный Хэм. Куда же ты вляпался...» Сидорх отчаянно надеялся, что мозгов парню хватит держать рот на замке.

Упомянутый в мыслях баталер обернулся и заулыбался, глядя на капитана. Мужчина с медной курчавой бородой махнул рукой, мол, не твоё дело, и вернулся обратно за штурвал. Девушка зашевелилась, и Сидорх подскочил к ней, помогая подняться. Лина потирала шею.

– Что случилось? Я будто сознание потеряла. Помню, мы беседовали, как вдруг...

– А я говорил, что вы утомились, сударыня, – с укором произнёс он. – Я и сам испугался, когда вы начали падать!

Лине показалось, будто она видела что-то очень важное, но детали расплылись перед внутренним взором, только тему видения она всё же помнила: капитан Сидорх.

Направляясь к каюте, Лина опиралась на руку рыжеволосого мужчины и поинтересовалась:

– Мы говорили о вас, верно? Напомните, пожалуйста, что вы рассказывали?

Мужчина выдохнул и постарался продолжить непринуждённо:

– Я говорил, что стал капитаном, как отец – весь наш род промышлял торговыми перевозками по морским путям или ловлей рыбы. Нынче туго с работой, сударыня. А море кормит всегда.

– Нет-нет, что-то другое... – Девушка закусила губу, тщетно пытаясь восстановить картинку чужой жизни.

Они осторожно спустились на нижнюю палубу, но вместо трёх шагов налево, где располагалась каюта для пассажиров, завернули в другой конец, оказавшись в трюме, набитом мешками и ящиками с товарами.

Теперь их никто не слышал. Лина почувствовала волнение, ведь она толком не могла понять, где находится. Повсюду царил другой запах: пряный и горьковатый, кое-где кислый; появились новые звуки шуршащих мешков и трущихся друг об друга боками ящиков, скрип половиц; теснота помещения ощущалась буквально, обволакивала духота.

– Где мы? – осторожно спросила Лина, всё ещё опираясь на капитана.

Сидорх вздохнул.

– Лина. Поймите меня правильно. Вы не должны касаться моего прошлого. Это очень опасно. Я не знаю, что за силы вас ведут, но впредь прошу не говорить ничего. Вы поняли меня? Ни-ко-му. Ни-че-го. Особенно... вашей подруге.

При этих словах капитан немного покраснел. Лина словно увидела это.

– Так значит, я оказалась права насчёт Малики?.. Что ж. Не стану лгать – я получила силу. Но всего несколько часов назад. Я обычный человек, Сидорх. Как и вы. Не стану утомлять разговорами, это неважно. Но мы с Маликой связаны. До каких пор – неизвестно. В любом случае, всё, что случится с ней, – отразится на мне. И наоборот. Поэтому не вздумайте запугивать меня, капитан Сидорх. Я сохраню вашу тайну, какой бы она ни была, но учтите: обидите Малику и отведаете горя вдвойне.

Мужчина усмехнулся. Характер у подруг очень схож: обе боевые и нежно оберегают друг друга ото всех невзгод и чужаков. Но что делать с этим шайтаном? Капитан чувствовал, что баталер уже прознал обо всём и потребует избавиться от болтливой девчонки и свидетеля – неразумного Хэма. Его тайна – тайна Повелителя, которому он служит. И ни одна живая душа не должна знать об этом.

Глава 7

Двадцать лет назад семью капитана Сидорха настигла чума. Две сестры и старший брат ушли в иной мир прежде, чем стало понятно, что произошло.

В небольшом приморском городке Миас началась эпидемия, лекари разрывались, не хватало снадобий и мест изоляции, а затем и захоронений. Родители, юный Сидорх и младшая сестрёнка чудом избежали заражения, они покинули родной город и скрылись в дальней деревеньке. Но болезнь вскоре добралась и туда, разорив поселение, оставляя после себя мёртвую пустоту. Преодолев путь по морю на хлюпкой лодке отца до Бумстала – закрытого города на востоке королевства Парвай – измождённые, они легли у высоких стен, не в силах пошевелиться.

Стражники доставили беглецов паше, который сжалился над страждущими и отправил к лекарю на тщательный осмотр. Сидорх переживал за сестрёнку – болезненную робкую девочку с именем цветка Сакаек, потому что бедняжке едва исполнилось четыре. С рождения она мало ела, медленно росла и сторонилась людей, даже с сёстрами и братьями оставалась молчалива и не особо игрива. Семья оберегала малышку всеми силами, беспокоясь за слабое здоровье.

Через несколько дней, когда они немного окрепли, беженцев следовало обеспечить жильём и определить на работу. По законам закрытого города, каждый новый гражданин обязан был предстать перед советом из пяти вельмож высокого чина и рассказать, по какой причине прибыл в город и какую пользу может оказать.

Отец давно повредил ногу и больше не мог работать на рыболовецком судне. Всё, что раньше он добывал в родном Миасе вместе с сыновьями, продавал на рынке. Матушка и сёстры ткали ковры для богатого купца, который продавал их втридорога, а женщинам платил крошечную часть. На то и жили.

Чума перевернула привычный уклад этой семьи. Теперь отец едва двигался, больная нога распухла и пульсировала, сам он походил на высохший скелет, обтянутый белёсой кожей с почти лысой головой. Матушка жаловалась на зрение, она больше не могла ткать как раньше: скорость и точность сильно упали, такая работница стала лишь обузой. Сакаек в расчёт не брали – слишком мала и слаба. Оставался тринадцатилетний Сидорх – шустрый малый, отлично обученный отцом мореходству и рыболовству.

Юноша справлялся лихо со всеми обязанностями, его начали замечать помощники капитана на судне, он вполне обеспечивал жизнь семьи. Обжились на новом месте, наладили хозяйство, завели друзей. Прожив пять лет в городе Бумстал, семью настигла новая беда: родители умерли один за другим.

Возмужавший Сидорх и подросшая окрепшая Сакаек остались одни на белом свете.

Однажды юноша взял с собой на конную прогулку сестру: хотел обучить её верховой езде и уходу за животными, ведь своей лошади у них раньше никогда не было, а сестре нужны были новые знания, чтобы она могла работать в качестве помощницы на конюшне во дворце. Но резвая кобылка внезапно понеслась с девочкой в лес. Неопытная Сакаек не сумела вовремя ухватиться за поводья и упала с лошади, перекувыркнувшись через голову. Она угодила в глубокий покатый овраг, полный бурелома. Сидорх в ужасе прибежал следом, но не мог ничем помочь – сестра лежала без сознания, для спасения требовалась помощь.

К счастью или сожалению, в это же время по лесу лениво бродил сын правящего Султана. Свита находилась позади, когда наследник увидел убитого горем парня у оврага. Сакаек на мгновение пришла в себя, простонала и дёрнула рукой. Эта сцена навсегда осталась перед внутренним взором брата как самое страшное событие – даже чума не так сильно пугала его. Наверное, потому что потерять сестру означало потерять смысл жизни, потерять себя, заживо закопать с воспоминаниями о прошлом и отказаться от настоящего и будущего.

– Что ты там увидел? – Поинтересовался беловолосый красивый юноша, подходя ближе.

Сидорх не мог вымолвить ни слова, лишь указал вниз. Подросшая стража наследника быстро вытащила израненную и окровавленную Сакаек, осторожно уложив её на сиденье кареты принца.

– Кто она тебе, ты её знаешь? – расспрашивал беловолосый юноша, разглядывая хмурого парня крепкого телосложения.

Принц выглядел молодо, величаво, подтянутое стройное тело облегал великолепный белый кафтан, украшенный драгоценными камнями. Сидорх тогда подумал: продав один только кафтан этого щегла, можно припеваючи жить весь месяц. Он не знал, с кем разговаривает, но догадывался о высоком положении спасителя.

– Сестра, – едва выговорил парень, с трудом ворочая сухим языком. Он не верил, что опасность миновала. Сакаек всегда была такой слабой и нежной!

Наследник растянул губы в улыбке, подошёл к Сидорху и положил руку ему на плечо.

– Да не волнуйся, с твоей сестрой всё будет хорошо.

Из кареты послышался протяжный стон, и будто ветер донёс до парней слабый голос: «Си..ох».

Сидорх рванул с места, бесцеремонно скидывая руку, не обращая внимания на вытянувшееся от удивления лицо принца, на преградившую дорогу стражу – парень готов был на всё, лишь бы увидеть сестру.

– Да успокойся ты, дикарь, – весело крикнул беловолосый и жестом приказал страже уступить парню дорогу.

Протиснувшись в карету, Сидорх взял тонкую, почти синюю руку сестры в свои большие горячие ладони и зашептал, зажмурив глаза: «Я здесь, я здесь, я здесь».

Наследник хлопнул его по плечу и, дёрнув бровью, приказал:

– Дай я разберусь. Отойди и отвернись. Не гляди.

Но брат не мог сдвинуться с места, да и не хотел. Чем поможет этот хилый подросток? В сестре едва теплится жизнь, кости наверняка переломаны, повсюду кровь...

Стража с силой отодвинула Сидорха, позволяя наследнику занять место рядом с девочкой.

Вся свита отвернулась, устремив взгляд в землю. Сидорх молчал, сжимая кулаки от бессилия. Ему показалось, что в карете мелькнуло нечто скользкое, змееподобное. Белой макушки богатого юноши он больше не видел.

– Что он делает? – прошептал, не надеясь услышать ответ.

– Спасает, – коротко бросил один бородатый стражник.

– Как?

– Как умеет, – фыркнул тот, не отрывая взгляда от земли. – Только не гляди.

Сидорху показалось, что весь лес замер и притих в ожидании. Никто не смотрел, но парень разволновался не на шутку: может, там творится какое-то гнусное непотребство? Мало ли развратных уродов на свете? Его маленькая умирающая сестра осталась наедине со странным незнакомцем...

Сакаек вновь застонала и вскрикнула, словно от испуга. Сидорх тут же поднял голову и лишь на секунду увидел сквозь плотный строй из закрывающих карету тел глаза...

Золотые, огромные, нечеловеческие, с вертикальным зрачком посередине.

Послышалось шипение. Сидорх не мог отвести взгляд. Он почувствовал головокружение, земля качнулась и ушла из-под ног. Когда он пришёл в себя, над ним склонился наследник и, сморщив тонкий красивый нос, с досадой в голосе сказал:

– Говорил же: не гляди!

***

С тех пор Сидорх не видел больше ничего подобного, только странное чувство стало день за днем разжигать грудь: он *должен* служить молодому принцу, быть верным его слугой до конца своих дней. Желание стало настолько навязчивым, что Сидорх невольно начал искать любой удобный случай, лишь бы вновь оказаться рядом со спасителем сестры. На секунду увидеть бы те глаза...

В тот самый день, прибыв во дворец, парню объяснили, наконец, кто оказал им милость. Сидорх никак не ожидал, что особа королевской крови станет возиться с безродной девчонкой. Он изводил себя надеждой на встречу, пропускал работу на судне, в то время как сестра оставалась во дворце до полного выздоровления.

Разные слухи ходили о Султани и наследнике: мол, они – колдуны, бессмертные маги, чудовища под личиной правителей небольшого, но крепкого и богатого королевства Парвай. Люди не помнили других представителей коронованной семьи, только отца и сына: Султана Мхаисара и принца Расиаха. Казалось, что они правили в этих землях вечно.

Сидорх не верил сплетням, но порой будто приходил в себя, вспоминая до мельчайших деталей случившееся, объяснял себе, что наследник, должно быть, искусный врачеватель, лекарь, оттого и спас бедняжку, на удивление всем. Но лишь представив те золотые глаза, парень забывал обо всем.

Сакаек встретила с братом спустя две недели. Она выглядела беззаботной и полной сил, улыбалась. Сидорх сильно удивился, ведь привычный образ застенчивой молчуньи теперь никак не соотносился с этой улыбающейся девочкой.

– Как ты, моя хорошая? – Парень с теплотой и трепетом обнимал своё единственное сокровище. Сакаек оказалась наряжена в изумрудное платье, темные волосы уложены в аккуратную прическу, а среди прядей виднелось изящное украшение из драгоценных камней. Она непривычно защебетала:

– Всё прекрасно, Сидорх! Во дворце такая красивая жизнь, кругом приветливые слуги и ласковые лекари, каждый чем-то занят, но с радостью исполняет свой долг. Блюда такие вкусные, а одежда!.. Девушки в гареме научили меня новым чудесным узорам: даже наша матушка не умела ткать так тонко и изящно! А принц очень добр, он часто навещает меня, спрашивает, всем ли я довольна. Вот бы и тебе служить во дворце, брат!

Сидорх был озадачен и рад одновременно. Навязанная кем-то мысль о верном служении развилась в великолепную идею: он вновь будет рядом с наследником! Но здравый рассудок, робко напоминающий об ответственности за благополучие сестры, не давал покоя: а не слишком ли все гладко и чудесно выходит? Ведь так не бывает. С детства испытывая лишения и нужду, Сидорх понимал, что на любую вещь или еду нужно заработать, вложить свой труд. Чем он может быть полезен принцу Расиаху?

Ответы на эти вопросы Сидорх получил довольно скоро: сам принц призвал его.

Попав во дворец, Сидорху всё было в новинку: каменные просторные коридоры с факелами на стенах и диванами на каждом шагу, огромные ряды стражников и слуг, роскошное убранство султанских залов, через которые довелось пройти.

Наследник выглядел ещё моложе, чем в первый раз. А может, так только показалось. Беловолосый, с тонкими изящными чертами лица, юноша развалился на троне в большом пустом зале. Одним лишь жестом спровадив стражу и слуг, Расиах выпрямился, поправил тонкую корону и с усмешкой поглядел на растерянного парня.

– Подойди ближе, Сидорх из Миаса, – тихо проговорил принц.

Юноша повиновался его голосу по собственной воле, как он потом вспоминал.

– Ты имел неосторожность встретиться со мной взглядом, хотя я запретил это. Верно? – Наследник склонял голову то на один, то на другой бок, словно пытался разглядеть стоящего бедняка со всех сторон. Обычные человеческие глаза небесной голубизны светились интересом. Сидорх чувствовал себя неудобно: теребил полу старого кафтана, оглядывался, смотрел на корону принца, чесал руку и вновь останавливал взгляд на украшениях.

– Не стоит смущаться. Мы здесь одни. Тебе не дает покоя моя корона? Моя одежда? Говори откровенно, Сидорх.

Сглотнув комок в горле, брат ответил:

– Я не понимаю, что происходит, но с того самого дня хочу верно служить вам...

Расиах усмехнулся и вздохнул:

– Даже не сомневаюсь. – Затем проворчал, словно древний дед. – Это стоило мне целого года жизни. Что же делать с тобой, Сидорх?

Пожав плечами, парень устремил взгляд на каменный пол.

– Я благодарен вам за спасение сестры, и готов выполнить любой приказ. Готов служить верой и правдой...

Но Расиах зевнул и махнул рукой, прерывая слова подданного:

– Скучно. Сестру я не спасал, помог слегка. Это пустяки, на здоровье. Она интересная у тебя, странная... Через пять лет войдет в возраст невесты. Ты уже думал, за кого отдашь её?..

Сидорх вздрогнул, словно его ледяной водой окатили. Подняв глаза на наследника, он покачал головой:

– Нет, я не...

Беловолосый поднялся с трона и направился к парню. Остановившись всего в полуметре, принц улыбнулся:

– Чего ты хочешь, Сидорх? О чем мечтаешь?

– Мои мечты утратили смысл, принц Расиах. Вся семья погибла. Осталась лишь Сакаек. Она и есть моя жизнь, и мечта.

– Я слышал, ты неплохо справлялся на судне. Ты любишь море? Тебя ласкают волны? Что они поют тебе?

Таких странных вопросов Сидорх не ожидал. Рассматривая замявшегося парня, с трудом подбирающего слова, принц рассмеялся.

– Не утруждай себя. Ты будешь капитаном. Станешь возить нужные мне грузы. Но главной задачей станет не это: ты добудешь мне самых прекрасных девушек, что живут на свете. Все они должны быть у меня, в моем гареме. Я дам все необходимое: корабль, команду, снаряжение, а также – помощника. Капитаном будешь ты, но сперва баталер научит тебя, затем будет подсказывать и наблюдать. Приглядывать. За исполнением работы я буду следить лично. Не спрашивай как – все равно не скажу.

Расиах расправил плечи и отвернулся от новоиспеченного капитана, легкой походкой зашагал к трону.

– Но... как же Сакаек? – едва слышно спросил Сидорх.

Удивленный вопросом, наследник оглянулся на парня и коротко ответил:

– Она теперь моя.

Волна странного чувства разлилась по телу молодого капитана, его голос стал тверже:

– Это *моя* сестра.

– Конечно, – кивнул с улыбкой Расиах, – и она будет ждать тебя здесь, под моей защитой. Малютке ведь негоже болтаться на судне или бродяжничать по улицам?.. Ей ведь так нравится дворец, Сидорх. И здесь никто не посмеет обидеть её. Разве ты не понял?

Парень побледнел и сжал кулаки. Он и сам не понимал, на что надеялся, когда шёл к наследнику. Решение принца такое логичное и очевидное. Но...

– Я заберу её, как только выполню свой долг.

Расиах захохотал и захлопал в ладоши. Звон эхом отразился от высоких каменных стен и расползся по углам.

– Ты такой веселый! Мне нравятся бесстрашные и верные люди. Пожалуй, я даже готов заключить сделку: срок твоей службы закончится тогда, когда ты доставишь ко мне во дворец прекраснейшую деву, способную полюбить меня так же, как и я полюблю её.

Сидорх закрыл глаза. Во что он ввязался...

– Это ведь может занять много времени... ты позволишь мне видеть сестру?

Расиах пожал худыми плечами:

– Разве это проблема? Сакаек ведь не пленница, а гостя. Но довольно вопросов. Ступай, Сидорх из Миаса. Завтра ты проснешься капитаном.

***

Морское путешествие

Шхуна "Красотка"

Шхуну ощутимо качнуло. Лина едва успела схватиться за ближайший ящик, капитан не среагировал, не поддержал, он будто находился сейчас где-то не здесь. На самом деле, так и

было: воспоминания перенесли Сидорха на многие годы в прошлое. Девушка чувствовала его смятение, растерянность, она почти *видела* оттенки этих эмоций на круглом лице меднобородого капитана.

– Всё в порядке? Капитан!

Сидорх очнулся и уставился на Лину, вцепившуюся в ящик с апельсинами.

– Волны усилились. Мне нужно к штурвалу. Вынужден оставить вас здесь ради вашей же безопасности.

Лина не успела возразить, капитан тотчас покинул трюм, подперев для надежности дверь снаружи. Ночью никто сюда не сунется: его молчаливая команда беспрекословно исполняет все приказы и поручения, за пятнадцать лет службы ни один матрос не смел своевольничать. Ну, разве что Хэм – сам Сидорх взял его на судно в том году, переругавшись из-за этого с баталером. Ведь команда была набрана Расиахом – теперь уже полноправным Правителем королевства, а новый матрос выбивался из рядов странных трудолюбивых молчунов. Первое время Сидорх даже думал, что у всей команды отняли языки – до того немногословны оказались крепкие парни, чётко соблюдающие предписанные инструкции морского кодекса.

Но не только эта странность преследовала команду: помощники капитана будто не старели. Сидорх превратился из хмурого сутулого парня в коренастого улыбчивого мужчину с живыми, озорными глазами, кучерявой рыжей бородой и редкой проседью в коротких русых волосах, тело имело лёгкую склонность к полноте... В то время как экипажу смело можно было дать навскидку лет по двадцать пять – столько же, сколько и в первый день их службы. Однако бей Чалеби – противный надсмотрщик, покрывался морщинами и сединой даже быстрее Сидорха, что не могло не радовать.

Северный порывистый ветер предвещал начало бури, – судно подбрасывало на разгоняющихся волнах. Подоспевший капитан оценил ситуацию и дал распоряжения. Ночь обещала быть нескучной.

Глава 8

Затерянный лес

Маркус

– Ах ты, паскудыш. Я ему, значит, «Добро пожаловать», «Хорошей дороги», по шкурке блохастой глажу... а он моих помощников налево и направо разбрасывает, истребляет да на кусты насаживает?! Ну нет, князюшка, тебе это с рук не сойдет. И с лап тоже.

Голос, полный злобного ворчания раздался у меня над ухом.

Едва пошевелил конечностями – работали, но были чем-то обмотаны. Выпутаюсь, не впервой. Только что за бред нес костлявый нечистый? Как давно он здесь, что знает, о чем догадывается?

Лес замер, луна спрятала пятнистый бок, погрузив крохотную поляну в густую тьму. Но Предводителя нечисти я видел четко. И его жутких покалеченных уродцев чуть поодаль, боязливо высовывавшихся из переломанных кустов.

«Не обвиняй меня в том, чего я не совершал, – мысленно ответил я в облике волка – Спроси лучше у своих нелюдей, кто первый на меня тявкнул!»

Предводитель нечисти скривил сухое и выцветшее, словно пергамент, лицо, наклонился прямо к моей морде:

– Мои «нелюди» повоспитаннее некоторых живых оборотней будут, кажись. И как ты смеешь отрицать причастность – лешего ведь ты убил! А он мне, голубчик, как родной уж стал, – едва не всплакнув, выдал Предводитель по прозвищу «Зайчик».

Я фыркнул, стараясь добавить мысленному голосу побольше язвительности.

– Так он и мне как родственник был, прикипел я к нему. Как не прикипеть-то, когда насильно вынуждают под охраной сидеть! Не трогал я его, зуб даю!

Костлявый убрал от меня свою головешку, распрямившись во весь рост. Он что-то обдумывал, почесывая голый узкий подбородок. Умертвия замерли, некоторые попрятались за промерзшими деревьями. Ночное светило будто клюнуло руку Зайчика, точнее, в его перстень. Лунный свет отскочил в ближайший ствол, отчего тот на краткий миг замерцал светом. Я разглядел почерневшую кору и тусклый полупрозрачный камешек среди листвы у корней. Нервно сглотнув, стараясь отогнать мысли о находке, стал размышлять, кто же на самом деле мог убить лешего. И главное – за что?

Как я и думал, Предводитель подслушивал. Он цокнул языком, дернул костлявым плечом, и мои невидимые пути исчезли. Вскочив на лапы, я принялся спешно вылизываться – дурная привычка, что поделать. Усмехнувшись, «Хозяин леса» поглядел на меня свысока, как смотрят на глупую дворнягу, облизывающую хозяйские сапоги за кусок хлеба. Хотел было послать его в пекло, но передумал: не сейчас, не время.

– Вот и я о том, – проворчал. – Где доказательства, нечистый? Я вообще спал на поляне, у реки. Леший костер соорудил, затем караулил. Просыпаюсь, – его нет, кругом тишина. Ну и пошел себе дальше. А тут эти твои «питомцы», набежали. Они же мне и показали, где бедняга лежит. Не знаю, что за игры тут у вас, но я в них не участвую: ты обещал меня отпустить, так держи слово. Или не хозяин?..

Предводитель озлобленно клацнул желтыми зубами, движением двух пальцев изобразил круг: в воздухе запахло серой, кусочек леса в этом круге задрожал и стал гладким, отражающим пространство позади.

– Что за фокусы?

– Помолчи, блохастый. До тебя тоже дело дойдет. А пока всех, кто участвовал в мерзкой стычке, ждет допрос. Живо ко мне!

Голос не принимал отказов. Уродцы, прихрамывая, потянулись к хозяину. Было странно наблюдать, как нежить боится подходить к зеркалу.

Первым отвечал уродец с клыками – вурдалак, что прокусил мне шкуру. То ли яд у него на зубах, то ли мне почудилось, но именно после укуса лапы отнялись.

– Говори, глядя прямо в «Правду», ты видел, как оборотень убивал лешего?

Тот затрясся, поджал обрубок руки к разлагающемуся телу, прикрытому лохмотьями, и проблеял:

– Как убивал – нет...

– А может, как планировал? Слышал мысли его недобрые? Или после расправы узнал что-то?

Вурдалак чуть не плакал. Помотал головой.

Предводитель внезапно закричал на весь лес так, что уши заложило:

– Так какого рожна тогда суешься в пасть к волку?!

Подопечный прикрыл один глаз от страха. И весьма вовремя, потому что Зайчик вытянул из зеркала едва заметную нить и накинул на голову несчастному. Нить тут же вонзилась в плоть, за секунды добравшись до хрупких костей, – и голову снесло начисто. Поляна окропилась темной жижей. Тело подопечного рухнуло, а через несколько мгновений обратилось в прах.

Остальные попятились. Предводитель яростно сверкал воспаленными глазами, обводя взглядом слуг. Мне стало не по себе. Если он так со своими обращается, то что делает с чужаками...

– А это, волчонок, называется Закон. И закон есть на всех один. Пакостить не будешь – не доведется тебе узнать, что я делаю.

Ответил он на мои мысли. Затем развернулся и медленно зашагал в сторону реки, откуда пришел я. Его шепот слышали все:

– Если ещё кто будет лгать без доказательств, отправитесь вслед за ним. А теперь брысь по норам, пока я не передумал... Волчонка не трогайте, пусть уходит.

***

Оставшись один на один с чувством сожаления, я задрал голову вверх и завыл, отдавая дань почившему знакомому. Пусть и лешему. Пусть и насильно ко мне приставленному. Но в целом провожатый оказался ничего: и долг свой исполнял, и байки травил, а самое главное – не сильно мешал мне искать камни.

Закончив церемонию прощания, я потрусил к заветной цели: второй камешек всё ещё ждал меня. Вот что плохо в теле волка, так это отсутствие одежды, вернее, карманов. Первый

камень-то я успел зарыть на нашей стоянке у реки, придется туда вернуться и отыскать куль или мешок для переноса. Ещё я размышлял, что самой сложной задачей станет отобрать перстень у Предводителя нечисти, ведь и дураку понятно, что главный камень у него. Но вдруг я подумал про Лину, и волчье сердце пропустило удар: что же происходит, почему моя девочка стала часто навещать меня в полусне-полузабытьи, ведёт четко к цели, но пугает порой до черта. Тьфу-тьфу, нехотя упомянул рогатого. Неужто это проделки леса всего лишь? А может, подружка её, эта ворожея – будь она неладна! – что-то нашла там?

И Ромэн вспомнился. Как он там, интересно? Всё также летает по ночам или теперь слушает мерное дыхание своей любимой? Знать бы, какие там новости, в мире человеческом. Но у меня другая судьба: рыть замерзшую землю когтями, скрывать свои мысли, придумывать хитрые опасные планы и надеяться на Духа леса.

Хрустнула ветка позади. Я тут же уловил запах, – рядом стоял большой волк, самка. И настроена она решительно. Медленно обернувшись, увидел среди тягучей тьмы леса белую искрящуюся шкуру огромной волчицы. Она воjak, хоть других и не видел, но теперь чуял, что стая неподалеку.

Размерами она превосходила обычного волка, странные голубые глаза смотрели со злостью; пасть распахнулась и выдала рычание, намекающее на единственный смертельный поединок. Я нехотя зарычал в ответ, отступив на шаг. Эх, ну почему нельзя договориться мирно? Жаль, что волки не разговаривают: их «слова» – это запахи. Сейчас волчица пахла по-особенному, почти как в момент охоты, когда все чувства обострены, и инстинкт выживания соперничает с азартом поймать добычу покрупнее.

Интересно, какой сейчас запах исходит от моей шкуры? Не помешало бы помыться, усмехнулся про себя. Глупо думать об этом – я ведь вижу, что ночь мне не пережить, даже оборотни не настолько сильны: разорванное в клочья тело вряд ли срастется. Да и этот проклятый лес, кажется, только и ждет удобного случая, чтобы содрать с меня шкуру.

Волчица приготовилась к прыжку. Я мысленно улыбнулся и подумал: «Прощай, моя Лина. Быть может, ты будешь со мной в видении, когда я буду умирать».

Охотница дернула мордой, и я услышал невообразимое, как она мысленно произнесла: «Каков дурак... но он сказал имя...»

Её вид изменился – белая и прекрасная, величественная, она опустила морду в знак приветствия равному, я поспешил повторить поклон. На мгновение даже залюбовался лоснящейся шкурой, но продолжил мысли вслух, чтобы она не передумала.

«Приветствую тебя, прекрасная хозяйка территории. Я заметил, что ты способна читать мысли. Неужели я вижу родственную душу – оборотня?..»

Волчица медленно подходила ближе, водила носом, голубые глаза что-то внимательно разглядывали пониже моей морды. Остановившись в полуметре, она спросила в мыслях:

«Откуда у тебя этот амулет?»

Я фыркнул.

– Любимая подарила.

Но волчице было не до смеха. В мысленном голосе чувствовалась угроза:

«А может ты, тварь, сожрал ту, у которой он был?!»

И тут я понял. Был бы человеком, хлопнул бы себя по лбу. Захотелось посмотреть на её реакцию, поэтому я ответил вопросом на вопрос:

«Как дела, Елена?..»

***

Малика проснулась на рассвете и удивилась отсутствию подруги в каюте. Тревога захлестнула разум. Ворожея тут же поднялась на палубу, даже не подумав о своём внешнем виде. Помощник капитана, старик, – чиф, как он его называл – оказался поблизости. Он заулыбался и потупил взгляд, отчего-то смутившись. Матросы и другие члены экипажа оторвались от своих дел и также загадочно улыбались. Малика нахмурилась и крикнула на всю шхуну:

– Где ваш чёртов капитан?!

Молчаливая команда, поочерёдно подмигивая женщине, синхронно указала на вход в кубрик. За спиной послышались шепотки и смешки.

Ворвавшись в уютную каюту с большим столом и узкой койкой у стены, Малика застала измождённого лежащего капитана и сидящего рядом отталкивающего вида баталера, который полоскал в тазу полоски ткани и прикладывал ко лбу Сидорха.

– Что случилось? – Малика мгновенно остыла и подошла ближе.

Хмурый мужчина оценивающе посмотрел на неё и процедил:

– Хоть бы прикрылась, бесстыдница.

Ворожея оглядела себя и, вспыхнув румянцем, отвернулась, впопыхах затягивая шнуровой вырез нижнего платья и надевая рукава верхнего наряда, который оказался спущен вместе с лифом. «Вот почему мне было так свободно, а эти мерзавцы хоть бы слово сказали!» – подумала она, мысленно костеря команду. Поправив одежду, Малика вновь повернулась к мужчине.

– Так что произошло? Капитану нездоровится? Я не увидела свою подругу, Лину, поэтому...

Бей Чалеби грубо перебил её, опуская новую влажную полоску ткани на лоб командира:

– Я разве похож на вашу няньку? Ищите свою подругу сами. Капитан едва не поцеловался с морским дьяволом этой ночью.

– Что?..

Мужчина отставил таз в сторону и поднялся, с хрустом костей выпрямляя долговязое худое тело. Он смотрел сверху вниз на ворожею, нависал над девушкой, презрительно ухмыляясь.

– Оставьте его в покое, дамочка. Если вам необходимо с кем-то развлечься, то капитан – не лучшая кандидатура на сегодня. Могу предложить свою.

Малика не ожидала подобных слов даже от столь неприятного типа. Неужели он расценил её растрёпанный вид и нервное возбуждение за желание «поразвлечься»?!

– Послушайте, ВЫ! – Малика решила проучить наглеца и, пылая гневом, ткнула пальчиком ему в грудь. Но баталер больно схватил девушку за руку и, не церемонясь, подтащил к столу. Не дав опомниться, он развернул её и прижал локтями к дубовой гладкой поверхности. Бей Чалеби придавил девушку сзади своим телом, лишая возможности пошевелиться.

Малике стало страшно. Она почувствовала, как под платье пробралась его рука и вцепилась в бедро.

– Что вы делаете, перестаньте сейчас же... – хриплым тихим голосом взмолилась она. Свободной рукой мужчина схватил Малику за волосы, заставив откинуть голову назад и выгнуть в пояснице. Его губы касались щеки и уха девушки, когда он шептал:

– Я знаю, зачем Сидорх взял вас на борт. Такие, как вы, не годитесь для Повелителя: слишком своенравны и красивы «на любителя». А я не привередливый. И ласковый, если захочешь. Так что хватит играть в оскорблённую невинность, на тебе поди клеймо негде ставить, как и на твоей подружке...

Малика ощутила головокружение. Ей почудилось перекошенное лицо Лины: подруга кричала, просила о помощи, умоляла откуда-то выпустить. Картинка, возникающая перед мысленным взором, растворилась. Это совсем не было похоже на привычные видения будущего, скорее, сиюминутный призыв, зов. Малика словно получила заряд энергии, обрела силы и возненавидела себя за прошлые пару минут страха и растерянности.

Мужчина тем временем добрался до её живота и неспешно скользил вниз. Сцепив зубы, Малика зашептала:

– Да, вы правы, господин. Но позвольте, я доставлю вам удовольствие иначе: уверена, вы оцените...

Баталер остановил движение руки, ослабил захват волос и, довольный, протянул:

– Ну вооот, другое дело. Но знай, тебе придется хорошо постараться: я повидал достаточно женщин и удивить меня сложно.

Он отпустил Малику, уже нежно разворачивая к себе лицом. Она кокетливо улыбнулась, затем чуть толкнула его в грудь ладонью, призывая отступить на шаг, при этом оголяя плечо. Бей Чалеби заворожённо смотрел, предвкушая наслаждение, но девушка, переменившись в лице, с размаха ударила ногой по нежному мужскому достоинству. Сапжок, окованный по краям железом, ускорил задачу: баталер, выпучив глаза от резкой боли, согнулся пополам, прикрывая рукой пострадавший орган, и застонал в голос. Но такое возмездие показалось Малике слишком лёгким: схватив со стола тяжёлые корабельные часы, она со всей силы ударила мерзавца по голове. Мужчина закатил глаза и обмяк на полу.

Следующей задачей был капитан. Девушка обошла тело помощника и провела ладонью по лицу Сидорха, задержавшись у лба – действительно, сильный жар. Затем она на секунду приложила ухо к груди: сердцебиение ровное. Тут же Малика увидела странный амулет на шее капитана, который не замечала раньше. Должно быть, он прятал вещицу под одеждой, а сейчас капитан оказался по пояс обнажён. Амулет выглядел вычурным, загадочным и походил на глаз змеи: тонкий контур овала из золота, а посередине – вертикальный зрачок из чёрного переливающегося камня.

Малика невольно залюбовалась им и захотела прикоснуться, но Сидорх, словно предугадав её желание, накрыл амулет ладонью, застонал и открыл глаза.

– Капитан! – Обрадовалась Малика, но тут же спохватилась, сделала едва заметный шаг в сторону, загородив собой распластавшегося на полу баталера – нет времени на объяснения.

Сидорх удивился. Происходящее слишком напоминало сон: рядом с ним Малика, немного растрёпанная, покрасневшая, она так искренне улыбается ему. Решив, что во сне можно всё, рыжебородый мужчина взял её за руку и притянул чуть ближе. Девушка повиновалась, склонившись над лежащим и блаженно улыбающимся капитаном. Но вместо объятий и поцелуев, она отхлестала его по щекам, заставляя прийти в себя.

– Да очнись же ты!

Сидорх часто заморгал и закашлялся, пытаясь приподняться на плоской подушке.

– Где Лина? Что произошло ночью? – не унималась она. Но капитан увидел её оголённое плечико и, испугавшись, взглянул в глаза цвета карамели, ища подтверждение своим догадкам.

– Малика, а... вы... ты... что ты...

Ворожея фыркнула и на секунду обернулась, – ей показалось, что баталер чуть шевельнулся.

– Некогда объяснять, – выпалила она, – я не могу найти Лину, но знаю, что она нуждается в помощи! Только ты можешь знать, где она. Ты ведь знаешь, правда?

В глазах девушки смешались мольба и угроза, отчаяние и решимость, она будто сама ещё не знала, чего хотела – просить или приказывать. Сидорх с трудом вспоминал события прошлой ночи: разыгралась буря, шторм, он помнил огромную волну высотой со сторожевую башню, что вот-вот должна была разнести судно в щепки и поглотить его. Но какая-то неведомая чудесная сила вновь спасла его и весь экипаж. О произошедшем дальше Сидорх не помнил.

Когда буря стихла, капитан очнулся за бортом, уцепившись за обломок доски чужого разбившегося корабля, хотя до этого никакого судна замечено не было. Всё море оказалось усеяно его останками. Наверное, капитана всё-таки вытолкнуло наружу силой воды, – и хвала небесам! – что этот шайтан бей Чалеби вовремя разглядел тело мужчины в ночной тьме и втянул на борт. Но что происходило до этого? Имя «Лина» отчего-то неприятно кольнуло слух.

Капитан вновь зашёлся сухим, раздрающим горло кашлем, тело содрогалось, словно в конвульсиях. Малика нервно оглядывала каюту, кувшин с водой стоял на другом конце массивного стола. Достать его означало открыть обзор на тело баталера. Девушка скомандовала:

– Закрой глаза, старайся дышать ровно, я налью воды. У тебя лихорадка.

Сидорх послушно выполнял советы. Вскоре Малика, отчего-то покрывшись румянцем, протянула тяжёлую глиняную кружку. Капитан с трудом приподнялся на локте, отхлебнул половину и вернул девушке.

– Так где Лина?

Меднобородый мужчина качнул головой:

– Не припомню, чтобы разговаривал с ней вчера. Судно небольшое: небось, забрела куда-то случайно. Спроси Хэма – такого тощего парня, юнгу, с торчащей во все стороны шевелюрой...

– Случайно?! Она не могла НИКУДА забрести случайно, она же не видит!

Сидорх чуть поднял ладони вверх в примирительном жесте и слабым голосом объяснил:

– Малика, послушай. Пока вы обе на моей шхуне, вам ничего не угрожает. Вы – пассажиры, мои гости. Команда не посмеет даже взглянуть косо и всегда поможет, если потребуется.

Малика не удержалась и расхохоталась. Сидорх глядел на девушку с недоумением.

– Расскажи это своему помощнику, капитан. Я сама отыщу Лину, а тебе прописываю постельный режим.

Она развернулась и вышла из кубрика, не забыв поправить платье. Сидорх вздохнул, провожая её взглядом, а затем увидел баталера на полу в странной позе эмбриона, который прикрывал руками детородный орган. Кажется, он крепко спал.

Глава 9

Предводитель нечисти лежал посреди леса на грязной, скомканной постели, пожевывая травинку. Его взгляд был устремлен в небо, где мерцающие звезды бессовестно пиялились сверху, нагоняя дремоту. Но отдыха требовало не тысячелетнее тело, а несчастная душа. Да, душа у него имелась. Он едва смог выжить после событий столетней давности, отправил в недра земли сундук с воспоминаниями – так он представлял чертоги своей уставшей памяти, – стал сентиментален и непомерно добр, хотя сам от себя не ожидал таких изменений. Но этот волчонок, этот любопытный оборотень, вскрыл зачерствевший нарыв, и снова не стало покоя старику. Раз за разом прокручивая в голове ту первую встречу, он пытался найти изъян, момент, который упустил: взгляд, фразу, интонацию... ведь всё могло быть иначе. Но единственное, чего у него не было (да и у других тоже) – силы повернуть время вспять. Вот тогда бы он, конечно, поступил правильно. Как? Предводитель до сих пор не знал.

Он вспоминал тот самый день, когда на пороге объявилась своевольная дочурка – Алания, не признававшая его в роли отца долгие годы.

– Что-то случилось, дитя моё?

Молодая ведьма подняла взгляд, полный боли, без наигранной гордости и самодовольства произнесла, будто в пустоту:

– Отец мой, я хочу умереть. Подари мне покой – я знаю, ты можешь.

Он выдержал паузу и вздохнул.

– Ну-ка присядь. Ты отыскала меня спустя четверть века, и вот так просто заявляешься, заявляя с порога такое? Я думал, ты ведьма, а не сопливая девчонка.

– Я ведьма. Но это уже не важно. – Дочь говорила отрешенно, тихо, втягивая высохшие плечи. – Не хочу ничего. И жить не хочу. Поэтому пришла к тебе.

– А я-то тут причем? – Разозлился отец. – Нашла себе палача, ишь ты! Или думаешь, раз я Повелитель Нечисти, то мне все равно, кого на тот свет отправлять? Что молчишь?

По щеке дочери скатывались слезинки. Она вдруг стала такой маленькой и слабой, что тысячелетнее сердце Предводителя дрогнуло и напомнило, кому он был обязан рождением этой крошки чуть больше двадцати лет назад.

Повелитель буркнул что-то под нос и сел рядом, несмело приобняв девушку за плечи.

– Ну-ну, прости. Я хотел сказать, что зря ты выдумываешь насчет смерти. Ничто на свете не стоит такого решения, поверь мне.

– Ты никого не любил, видно. Когда сердце сгорает и разум путается от одного прикосновения. Когда чье-то имя в сто крат слаще своего собственного. Когда тоска от разлуки съедает заживо. Когда ничто на свете больше не имеет значения, кроме той улыбки...

– Дурочка... я понимаю даже больше, чем тебе может показаться. Ты не поверишь, но и это пройдет.

– Говоришь так, будто всё знаешь.

– А тут и знать нечего: сколько будет стоять мир, любовь будет медленно убивать всех нас.

– Даже тебя?

Повелитель усмехнулся и проговорил едва слышно:

– Ты не знаешь, видать, но твою маму я любил. Вот так, как ты сейчас говорила. Даже сильнее. Но я ничего не смог сделать, когда она умерла через три месяца после твоего рождения...

Алания подняла глаза на отца:

– Это правда? Но... мне говорили другое. Я росла без тебя...

– Дитя моё. Доверчивое и наивное. Непослушное. Непокорное. Я не мог забрать тебя к себе: никто на моем месте не стал бы этого делать. Я горевал вдали ото всех. И делал все, что в голову взбредет, в надежде заглушить эту боль. Но время шло, мир по-прежнему стоял, а я влачил существование с черной дырой в сердце. Чтобы однажды ты пришла ко мне и все поняла.

Девушка плакала и сжимала его руку, словно оплакивала вместе с ним те далекие времена. Повелитель шмыгнул носом и похлопал дочь по плечу.

– Ну, полно, полно. Погорюй вдоволь по своему принцу, или кто он там, не торопись...

Дочь торопливо закачала головой:

– Но он жив! Он князь, только вот... променял меня на другую.

Отец потер руки и улыбнулся:

– Так дело за малым, дочурка! Я пальцами шелкну, и поминай как звали этого неверного негодяя!

– Я не хочу его смерти, папа, – зажмурилась Алания, сдерживая новые слезы. – Лучше я умру, а он...

– Глупости! Уезжай подальше, забудь, или давай его забросим в такие дали, что вовек не найдешь. Ну, ты же ведьма, милая, преврати его в лягушку, в конце концов.

Девушка хихикнула, но через мгновение вновь погрузилась в задумчивость:

– Ох, он перед глазами у меня, и никуда не скрыться. Знаешь, я была у Ханны – старой ведьмы, что обучала меня с малых лет, и пыталась добиться от нее правды про Ночь Гнева. Только все напрасно: молчит, проклятая, будто не знает ничего.

Повелитель отвел взгляд.

– Ты-то откуда знаешь про это? Вот уже полвека никто не вспоминает про обряд, запретили его.

– Но почему? Он ведь дарует силу и очищение, спокойствие, и жизнь начнется с чистого листа...

– Кто же сказал тебе, а? Стало быть, тот, кто сказал, не знает ничего, лишь языком мелет. Обряд дорого стоит, дочка. И назад пути не будет. Силу и вправду подарит небывалую, только душу свою не сможешь уберечь, коль подпишешься.

Алания слушала, затаив дыхание:

– Мне уже плевать на душу, папа. Если обряд поможет забыть его или... или вернуть, то я готова. Я согласна на всё.

Повелитель молчал.

– Ты скажешь мне, как подготовиться?

– Нет, глупая, нет! – Крикнул он, – забудь об этом. Хватит с меня смертей. Уходи, Алания.

Дочь растерялась и замерла. Едва завязавшуюся нить понимания разорвал грубый крик отца. Развернувшись, она покинула обитель Повелителя нечисти.

***

Как я и думал, волчица сильно удивилась. Конечно, на звериной морде не отражались эмоции, но запах изменился: она пахла растерянностью, щемящей тоской, нежностью, смешением чувств. Я мысленно усмехнулся и уже смелее подошел ближе.

«Нет нужды таиться, я знаю, кто ты».

«Откуда? Это человеческое имя похоронено много лет назад!»

Хозяйка территории начала выходить из себя. На загривке появился гребень из вздыбившихся волос, глаза обжигали льдом. В воздухе появился запах угрозы.

«Если имя «Лина» тебе знакомо и дорого, то успокойся. С твоей сестрой всё хорошо».

Я готов был отдать что угодно за возможность посмотреть на Елену в человеческом облике, точнее, на выражение её лица. Мастерски уделал волчицу в словесном поединке, хах!

Мне показалось, что волчица заскулила, как-то внутри себя, почти беззвучно, но я услышал.

«Ты можешь перекинуться?» – с надеждой спросил я мысленно. Но она помотала мордой в знак отрицания. Вильнув роскошным серебристым хвостом, хозяйка территории потрусила вглубь промерзшего леса. Я отправился следом, спиной чувствуя возникших рядом шестерых крупных волков. Они провожали нас взглядом и совершенно ни о чем не думали.

«Елена, постой. Твои прихвостни остались на поляне, если ты скрываешь свою тайну. Хочешь, я перекинусь?»

«Они знают. Но теперь уже все равно: до конца своих дней я буду волком, и они приняли меня как равную. Нет нужды в человеческом теле».

«Но ты их вожак. Ты вправе диктовать законы...»

«Не я их вожак. Им был мой избранник. Кое-кто забрал его жизнь несколько лет назад. Но стая не захотела менять устои – время с моим избранником было лучшим в их жизни. Я стала вожаком лишь из милости».

«Но они обязаны слушать...» – перебил, однако Елена вновь помотала головой и села, грациозно опустив хвост на лапы.

«Не тебе меня учить. Рассказывай, откуда знаешь моё имя и мою сестру».

Закончив краткий рассказ, почувствовал, как Елена смягчилась. Точнее, её запах стал иным. Повеяло чем-то забытым, но родным, важным. Я без слов понимал, что старшая сестра волнуется о судьбе Лины. Но вопросы вертелись на языке, и я не мог не задать их:

«Елена... почему ты здесь? Как оказалась за тридевять земель от родного королевства? Неужели не нашлось другой стаи, поближе? Давно ли ты обитаешь в заколдованном лесу? И кому ты обязана своему проклятью?... А знаешь, кто...».

Но волчица настороженно двигала ушами. Она не слушала меня. Прощедив: «За нами следят», рванула с места. Мне пришлось последовать за ней, увеличивая скорость. Догнать оборотня не так просто – мы выносливее и сильнее волков. Но не удачливее поганой нечисти.

Впервые я почуял запах, исходящий от умертвий: Елена словно передала его мне, научила различать. Даже на бегу. Стая крупных черных волков завывала чуть в стороне, спрашивая разрешения на расправу. Вожак в лице оборотня ответил сорвавшимся визгом, но команда стала ясна: разорвать в клочья.

И тут я «громко» подумал, удивив не только себя, но и Елену:

«Зачем их убивать просто так?..»

Волчица замедлила бег и резко обернулась, едва не уткнувшись носом в меня:

«Потому что эту мразь надо истреблять!»

«Что они тебе сделали? Ты живешь в их лесу».

Елена мысленно захохотала, а на деле – оскалилась.

«Ты что такое несешь? Это мой лес! Я пришла сюда в то время, когда ещё правил Дух Леса...»

Будь я сейчас человеком, то присвистнул бы.

«А вот с этого момента поподробнее...»

***

Малика беспрепятственно обходила каюту за каютой, с тревогой всматриваясь в каждый уголок. Капитан Сидорх не давал ей такого права, а уж власти распоряжаться экипажем – тем более, но никто не посмел перечить. Объявив, что ищет Лину и не успокоится, пока не найдет, Малика привлекла к поискам остальных свободных от работы членов команды. Среди них оказался и Хэм. Парень прятал глаза, будто нашкодил, старался быть как все: молчаливым и отрешенным. Но ворожея чувствовала: именно он что-то знает и скрывает. Кок посетовал, что и так потерял на бессмысленное занятие слишком много времени, а впереди ещё обед готовить, и спустился в ахтерлюк¹. Вскоре он вернулся, недовольно ворча: оказывается, вяленое мясо закончилось, но в трюме должна была остаться бочка среди ящиков и мешков снеди на продажу. Однако никто не пожелал добывать пудовую бочку: у шатающегося лоцмана неожиданно появилось желание отследить курс судна, у боцмана – проверить прочность такелажа, а остальные матросы вдруг вспомнили о швабрах и без того блестящей палубе. Остался один лишь Хэм и Малика.

---

¹ Ахтерлюк – погреб на судне для хранения провизии, а также вина и уксуса.

– Так, дружок, – сходу начала девушка. – Я кое-что знаю. Сам расскажешь или у капитана пойдем спросим?..

Парень сгорбил худые плечи, избегая взгляда. Он проямлил, но Малика разобрала слова:

– Я ... я ничего не видел... капитан сам сказал...

Ворожея подхватила парня под локоть и, улынувшись очаровательно и ядовито, прошипела тихо, но доходчиво:

– Немедленно говори, что видел, или я сама отправлю тебя к морскому дьяволу!

Хэм заморгал, надеясь ослепнуть, а лучше провалиться сквозь палубу прямо сейчас. Ещё не доводилось ему слушаться женщину на корабле. Глаза Малики сверкали как молнии, накопившийся гнев выходил, казалось, через крохотные искры, что мелькали в каштановых кудрях. Но ни кэпа, ни вездесущего бея Чалеби рядом не наблюдалось, поэтому пришлось ответить:

– До того, как нас настигла буря, капитан беседовал с вашей подругой... вот там, у рулевого. А затем ей стало плохо, и он отнес её куда-то на нижнюю палубу... Я подумал, что в вашу общую каюту...

Малика изменилась в лице. Дрожащими губами она произнесла, заглядывая парню в глаза:

– Ты уверен?.. Капитан был с ней? Но что же после?..

– Он вернулся довольно быстро, потому что начался шторм. Одному Морскому Владыке известно, как кэп выжил после такого...

– Так где же Лина? – нетерпеливо перебила она. На палубе вновь возник угрюмый кок и погрозил кулаком Хэму.

– Я её больше не видел, сударыня. Извините, мне надо спуститься в трюм.

Девушке пришлось отпустить юнгу. Она задумчиво уставилась на спокойное море, растелившееся до самого горизонта. Через несколько минут его крик заставил весь экипаж поспешить на голос: он нашел Лину в трюме, придавленную несколькими ящиками. В тонких посиневших руках она сжимала наполовину очищенный апельсин.

Глава 10

Ворожею трясло от волнения и неизвестности: как не вовремя пропал её дар! Лина в беспамятстве едва дышала, капитан ещё отлеживался после шторма, а толку от молчаливой команды было ни на грош. И всюду какие-то недомолвки, нестыковки. Плюс ко всему – ограниченное пространство в виде шхуны и лишь бесконечная вода на протяжении всего пути, навевающая тоску и отчаяние.

По расчетам Малики, они уже вот-вот должны были прибыть в порт города Шайнар, где смогли бы сойти на сушу и пересесть на корабль «Оракул».

Трое крепких парней освободили Лину из-под ящиков и отнесли в каюту. Весь день Малика провела у постели подруги, которая так и не пришла в сознание, выглядела слабой и больной. Но сердце билось ровно. Малика распорядилась приготовить целебный укрепляющий настой, по капле вливая его в приоткрытый рот Лины. Синяки и ссадины подруги она смазывала резко пахнущей мазью, которую всегда держала при себе и не забыла взять в путешествие. Порой ворожея жалела, что так мало знала о ведовстве и знахарстве, лишь самые основы, но обычно выручал дар предсказания, показывая нужные ей или пациенту рецепты, если речь шла о здоровье.

Девушка убедилась, что жизни подруги ничего не угрожает: Лина пару раз даже бормотала что-то, несвязно упоминая капитана и тайну, звала Малику, но тут же проваливалась в забытие.

Ворожея сама почувствовала навалившуюся усталость и головокружение: она снова ничего не ела весь день. Ворожея оставила рядом с Линой одного матроса (хотя предпочла бы Хэма, но тот сумел сбежать) и побрела по узкому качающемуся коридору вдоль трюма, надеясь проветрить голову.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.